

Т.Г. ТАИРОВА-ЯКОВЛЕВА

ГЕТМАНЫ УКРАИНЫ

ИСТОРИИ О СЛАВЕ, ТРАГЕДИЯХ
И МУЖЕСТВЕ

Татьяна Таирова-Яковлева

**Гетманы Украины. Истории о
славе, трагедиях и мужестве**

«Центрполиграф»

2011

Таирова-Яковлева Т. Г.

Гетманы Украины. Истории о славе, трагедиях и мужестве /
Т. Г. Таирова-Яковлева — «Центрполиграф», 2011

ISBN 978-5-227-03017-7

В книге представлены одиннадцать биографий гетманов, являвшихся военными и политическими лидерами Украины XVII – XVIII вв. Знакомясь с их судьбой, российский читатель сможет открыть для себя малоизвестные и забытые страницы украинской истории. Слава и трагедия, мужество и вероломство, выдающийся талант и покровительство фортуны удивительным образом смешались в жизни этих людей. Они были очень разными, и каждому из них довелось оставить свой след в истории Украинского гетманства. Однако, вспоминая о них, мы лучше понимаем то сложное, противоречивое, но героическое время, окутанное ореолом романтики.

ISBN 978-5-227-03017-7

© Таирова-Яковлева Т. Г., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

ОТ АВТОРА	7
Примечания	12
Глава 1	13
Примечания	36
Глава 2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Татьяна Таирова-Яковлева Гетманы Украины. Истории о славе, трагедиях и мужестве

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

В книге использованы архивные фотографии, предоставленные автором

Книга подготовлена на базе исследований, выполненных автором при поддержке фонда Gerda Henkel

ОТ АВТОРА

К началу IX века в районе Приднепровья формируется территория Древней Руси, объединившая земли многих славянских племен. Ее столицей становится Киев. Тесную связь с Киевом имела и Новгородская земля, и другие восточнославянские княжества. Своеобразная и высокоразвитая культура восточного древнеславянского государства послужила базой для дальнейшего развития Украины, России и Белоруссии. Татаро-монгольское нашествие уничтожило тесные связи и изменило дальнейший ход истории. Более всего пострадали земли центрального Приднепровья. В наиболее выгодной ситуации оказалась западная Галицко-Волынская Русь. На фоне разрушения старых восточных центров начинается возвышение Москвы.

В XIV веке центральные приднепровские княжества освобождаются от татаро-монгольского ига и входят в состав Литвы. С прекращением династии Романовичей она объединяется с Галицко-Волынским княжеством и образуется Великое княжество Литовское. Долгое время литовские князья опирались на традиции Киевской Руси, принимали православие, внедряли в делопроизводство старославянский язык. Но уже в 1385 году заключается Кревская уния и начинается долгий, но неуклонный процесс объединения Великого княжества Литовского с Польшей. В 1569 году он завершается Люблинской унией и созданием единого государства Речь Посполитая.

Практически сразу же после Люблинской унии начинается административное, юридическое и экономическое перекраивание украинских земель на польский лад. Проводником этой политики становится польская шляхта, которая с энтузиазмом двинулась в богатые новые восточные земли, получив право приобретать владения в любых территориях Речи Посполитой. Главным отличием польской шляхты¹ от литовской аристократии были воинствующий католицизм и открытое презрение, с коим они относились к населению украинских земель и его исконной культуре. Активная политика польской шляхты, насаждавшей свои экономические законы (прежде всего, неизвестную до тех времен в Украине панщину²), захватывавшей лучшие украинские земли, притеснявшей православие и пренебрежительно обращавшейся с украинской шляхтой, стала одной из главных причин массового протеста населения. Чаще всего протест принимал форму ухода в «вольные края». Географическое и геополитическое положение Украины, граничившей с бескрайними и незаселенными в те времена просторами Дикого поля³, создавали для этого самые благоприятные условия.

Украинское гетманство. Административное деление по И. Крипякевичу

Нарастание конфликтов в религиозной, культурной и экономической сферах стимулирует на украинских землях в конце XVI – начале XVII веков процесс духовного возрождения и формирования национальной идентичности. Борьба за сохранение православия проходила

на фоне формирования новой политической элиты Украины, тесно связанной с казачеством. Стремление управлять собственным краем, жить по своим правам и свободам приводит к ряду кровавых столкновений с властями Речи Посполитой.

В результате восстания Богдана Хмельницкого, начавшегося в 1648 году, большая территория Украины становится свободной, формируется Украинское гетманство с собственной административной, судебной и налоговой системой. Тяжелая военная ситуация заставляет Б. Хмельницкого в 1654 году принять подданство Русского государства, однако, автономное положение гетманства было сохранено. Процесс «притирания» проходил болезненно, часто доходя до кровавых конфликтов. Украинское гетманство скатилось в пучину Руины, гетманы менялись очень часто, искали различные внешние комбинации, Украина пустела, на ней хозяйничали вражеские армии. Только к 80-м годам XVII века наметился выход из кризиса.

В настоящем издании представлены биографии одиннадцати украинских гетманов, начиная от Петра Сагайдачного и заканчивая Кириллом Разумовским. Их власть и влияние были различными. При выборе персоналий я руководствовалась прежде всего вкладом того или иного гетмана в историю Украины и возможностью наиболее полно и подробно воссоздать хронологию событий. Биография Ивана Мазепы изложена мной в отдельном издании и поэтому не включена в данную книгу. Так как в книге излагаются биографии людей, живших в близкий временной период, а зачастую – участвовавших в одних и тех же событиях, неизбежными являются некоторые повторения.

Из выбранных мною исторических фигур Иван Богун и Остафий Гоголь не вполне соответствуют заявленной теме: первый собственно гетманом никогда не был, но неоднократно становился наказным гетманом (т. е. командующим походом) и вообще являлся столь яркой личностью в истории Украины, что не рассказать о нем нельзя. Имя потомка Остафия Гоголя, Николая Васильевича Гоголя, так много значит для отечественной и мировой литературы, что читателю будет небезынтересно узнать о его пра-пра-пра-прадеде – человеке весьма примечательном и своеобразном, хотя и остававшемся гетманом лишь небольшой промежуток времени на совсем маленькой территории.

Для более легкой ориентации в тексте предлагаю читателю кратко ознакомиться с основными понятиями и реалиями, связанными с украинским казачеством.

Украинское казачество⁴ возникло в конце XV века и сформировалось к середине XVI века. Разделялось казачество на «запорожское» (они же: запорожцы, сечевики, низовики) и «реестровое» (они же: реестровые, городовые). Запорожское казачество – вольница, селившаяся за порогами в низовье Днепра (отсюда название – Запорожье, Низ). Средства к существованию запорожцы получали от «промыслов» (рыбалка, охота и т. д.) и от набегов на татар, в которых они, собственно, и прославились. Запорожцы жили по собственным законам, придерживаясь своеобразной демократии, и не подчинялись ни польскому королю, ни русскому царю, даже когда это предписывалось международными отношениями. Женщинам было категорически запрещено посещать Запорожье. Возглавляли запорожцев выбранные кошевые атамань (от слова «кош»⁵). Вплоть до восстания Богдана Хмельницкого Запорожье олицетворяло собой центр украинского казачества и именно там принимались все важнейшие решения, касавшиеся заключения военных союзов, предстоящих походов, раздела добычи и т. д.

Совершенно иным было реестровое казачество (от слова «реестр», т. е. включенные в список и получавшие согласно ему жалованье). Польские короли пытались использовать в собственных целях растущее влияние казачества на Украине. Еще в 1558 году король Польши Сигизмунд II издал указ, призывавший казаков пойти к нему на службу за денежное вознаграждение. В результате собралось примерно триста казаков, которые получали из королевской казны жалованье деньгами и сукном. Но окончательно реформа была завершена при польском короле Стефане Батории, давшем реестровым казакам особые привилегии: они были освобождены от уплаты налогов и не подлежали никакому суду, кроме суда своего старшего. Таким

образом, реестровые казаки стали привилегированной частью украинского общества. В реестровые мечтали попасть все казаки, а сами реестровые стремились расширить свои привилегии на всю территорию Украины. Поэтому сразу после возникновения реестрового казачества по Речи Посполитой прокатилась волна казацких восстаний, продолжавшихся с небольшими перерывами вплоть до восстания Б. Хмельницкого.

Слово «гетман» (нем. «hauptmann» – «главный человек») на Украине означало лидера украинского реестрового казачества. Позднее (начиная с Б. Хмельницкого) гетманами называли правителей Украинского гетманства⁶. Гетманы избирались на всеобщей (генеральной) раде⁷ казаков и обладали всей полнотой военной и гражданской власти: они возглавляли армию, административную и судебную систему Украины (в отличие от Польши и Литвы, где гетман – великий коронный и польный – только командующий войском).

Впервые гетманом украинских казаков польский король назвал в 1576 году командира реестровых Богдана Ружинского и пожаловал ему знаки гетманской власти (клейноды). Они включали знамя, бунчук, булаву, печать, литавры и каламар.

Традиция клейнодов имеет восточное происхождение. Бунчук (крымско-татарское слово) использовался в Османской империи как знак сана и власти паши, отсюда он был заимствован в Польше, а затем – на Украине. Бунчук представлял собой длинный деревянный шест с металлическим шаром на конце, из-под которого свисали конские хвосты. Булава (лат. Bulla) – ударное оружие, служившее на Украине символом гетманской власти. Булаву вручали гетману после его избрания. Получал булаву и наказной гетман, которого назначали исполнять обязанности гетмана во время похода или битвы. Наказных (от слова «наказ», назначенные) обычно назначали сами гетманы или в чрезвычайных случаях их избирали на казацкой раде. Печать Войска Запорожского скрепляла все важнейшие документы, издаваемые гетманами. Литавры – род барабанов, железных или серебряных, обтянутых кожей. Их также использовали на официальных мероприятиях в присутствии гетмана. Каламар – чернильница, бывшая клейнодом писарей Войска Запорожского. Символом власти полковников были перначи (шестигранная разновидность булавы).

В административном плане Украинское гетманство делилось на полки, занимавшие определенную (фиксированную) территорию Украины. Полковые города являлись резиденцией полковников, обладавших высшей административной, военной и судебной властью на территории своих полков. Полки, в свою очередь, делились на сотни (с сотенными городами, резиденциями сотников).

Высшим органом власти Украинского гетманства была Генеральная рада, на которой представители всех полков избирали гетмана и решали другие основополагающие вопросы (заключение иностранных договоров и т. д.). Гетман управлял всеми делами, советуясь со Старшинской⁸ радой, чьи властные полномочия с течением времени претерпели некоторую эволюцию. Изначально вся старшина избиралась казаками на радах. Впоследствии старшину стали назначать гетманы, а в XVIII веке – российские власти. В состав Старшинской рады входили полковники и генеральная старшина: обозный, писарь, судья, подскарбий, есаул и хорунжий. Генеральный обозный считался важнейшим после гетмана, он отвечал за артиллерию, участвовал в Генеральном суде, а в Генеральной канцелярии заведовал всеми войсковыми делами. Генеральный писарь, по сути, играл роль канцлера. Он был хранителем печати и заведовал Генеральной канцелярией, вел всю гетманскую переписку, включая дипломатическую, участвовал в заседаниях Генерального суда. Генеральный судья (обычно их было два) возглавлял Генеральный суд и заведовал всеми земельными тяжбами. Генеральный подскарбий заведовал налогами, определял их размеры и возглавлял Генеральную канцелярию казны (Скарбовая канцелярия). Генеральный есаул (их тоже обычно было двое) отвечал за порядок в полках,

ведение реестра, подготовкой к походам. Генеральный хорунжий оберегал гетманскую хоругвь (знамя), возглавлял личную охрану гетмана.

Высшим административным (исполнительным) органом Украинского гетманства была Генеральная канцелярия. В канцелярии осуществлялся контроль над всеми денежными операциями и земельными делами, велось все делопроизводство. Там же хранился архив. Генеральная канцелярия исполняла функции одновременно министерства иностранных и внутренних дел. Высшим судебным органом Украинского гетманства был Генеральный суд. Все доходы шли в Войсковую Казну.

Разумеется, характер и особенности гетманской власти на протяжении веков менялись. Каждая эпоха вносила свои коррективы. Но гетманы оставались лидерами казачества, государства и народа, будучи при этом очень разными людьми, со своими талантами, достоинствами и человеческими слабостями.

В заключение хотелось бы отметить, что данная книга рассчитана, прежде всего, на российского читателя и не является сугубо научным исследованием. Но при составлении биографий автором были учтены все новейшие данные по истории Украины. Кроме того, занимаясь украинским казачеством более четверти века, автор берет на себя смелость представить собственные концепции и видение происшедших событий. Надеюсь, что и специалисты найдут для себя в этой книге что-то новое и небезынтересное.

Примечания

¹ Шляхта – польское дворянство.

² Панщина – то же, что барщина, т. е. рабочая повинность крестьян по отношению к владельцу, обязательные работы.

³ Дикое поле – степи Южной Украины, незаселенные оседлым населением. Представляло собой плодородные земли с богатой флорой и фауной, но любые промыслы там были весьма опасны из-за постоянного кочевья татар. Дикое поле занимало территории современных Кировоградской, Николаевской, Донецкой, частично Днепропетровской и Харьковской областей.

⁴ Казак – слово тюркского происхождения и означает отважный, вольный человек. Казачество образуется на пограничьях Великого княжества Литовского, Речи Посполитой и России, но только на украинских землях в силу ряда факторов и политической ситуации казачество начинает добиваться участия в управлении страной и превращается в политическую элиту общества, которая возглавляет национальную и религиозную борьбу Украины.

⁵ Кош – от татарского «кхогп», большая отара овец. Кош у запорожцев означал центр, столицу Запорожской Сечи, а также все товарищество и администрацию Сечи.

⁵ Украинское гетманство – это наиболее распространенный в настоящее время в российской исторической науке термин, обозначающий то государственное образование, а затем – автономию, которое было создано при Б. Хмельницком и существовало вплоть до 1781 года. В украинской литературе принят термин «Гетманщина». Самоназвание было «Войско Запорожское», обозначавшее не войско, а территориально-политическое образование (с городами, народом и т. д.) – и не должно вводить в заблуждение современного читателя.

⁷ Рада (укр.) – совет, общее собрание казаков.

⁸ Старшина – офицерские чины украинского казачества.

Глава 1

ПЕТР КОНАШЕВИЧ-САГАЙДАЧНЫЙ

Петр Конашевич (Сагайдачный) стал первым украинским гетманом в полном смысле этого слова. То есть он был не просто вождем реестрового казачества, но и играл видную роль в политической жизни Украины. Он отстаивал общенациональные и религиозные интересы в условиях жесткого противодействия со стороны Речи Посполитой, а зачастую выступал, как совершенно самостоятельный лидер. Петр Сагайдачный мало известен в России, как и вся эпоха до Богдана Хмельницкого. Между тем он был одной из самых выдающихся, ярких и знаковых фигур в истории Украины XVII века.

Не случайно звание гетмана приобрело важное политическое значение именно при Сагайдачном. Он получил прекрасное для своего времени образование, позволявшее ему обсуждать серьезные философские и гуманистические темы и задумываться о проблемах Речи Посполитой и Украины начала XVII века. Сагайдачный не довольствовался военными походами (хотя и преуспел в них), не ограничивался получением богатой добычи, а тянулся к философскому осмыслению современных ему реалий. А может быть, как раз эпоха украинского духовного возрождения выдвинула такого лидера казачества, который смог приобрести общенациональное значение.

Родился будущий гетман примерно в 1570 году в селе Кульчица Самборского повета воеводства Руського в Галиции¹. Сагайдачный (это его прозвище) происходил из семьи украинского шляхтича² Конона из рода Конашевичей-Попелей герба «Побуг»³ и Пелагеи⁴. Прозвище свое он получил позже, уже на Запорожье: «сагайдаком» татары называли колчан для лука и стрел.

Гетман П. Конашевич-Сагайдачный. Портрет XVII в.

После обычного в те времена домашнего образования юноша поступил в знаменитый Острожский коллегиум, основанный на собственные средства князем К. Острожским. В годы обучения Сагайдачного это был крупнейший в Украине научно-образовательный православный центр, собравший лучших педагогов и богословов. Школа создавалась на основе заимствованного из античных времен и модного тогда в Европе принципа «семи искусств»: «тривиум» (грамматика, риторика, диалектика) и «квадривиум» (арифметика, геометрия, музыка, астрономия). При этом в отличие от западноевропейских и польских школ в Остроге преподавание базировалось на активном использовании греко-византийской традиции. В школе преподавали церковнославянский, греческий и латинский языки, что давало студентам возможность знакомиться с античными подлинниками.

Именно в Острожской школе Сагайдачный встретился со своим соратником и будущим Киевским митрополитом Иовом Борецким.

Конашевич-Сагайдачный оказался талантливым студентом. Он окончил полный курс коллегиума и даже написал в свои студенческие годы полемический труд «Пояснения про унию», вызвавший большой отклик. В частности, о нем упоминал литовский канцлер Лев Сапега в своем письме к Полоцкому архиепископу Иосифу Кунцевичу.

Из Острога Сагайдачный переехал в Киев, где некоторое время работал домашним учителем у городского судьи Яна Аксака. Затем по не известным нам обстоятельствам Петр бросил свою работу и уехал в Запорожье, навсегда связав свою судьбу с казачеством. Произошло это примерно в 1601 году⁵.

Надо сказать, что начало XVII века было тревожным временем для Украины. Брестская церковная уния 1696 года юридически поставила православную церковь вне закона на территории Речи Посполитой. Началось повсеместное наступление на православие со стороны униатов и католиков при серьезной поддержке Ватикана и фанатичного католика польского короля Сигизмунда III (знаковой фигуры времен русской Смуты). Казачество, выступившее под руководством Северина Наливайко в 1695 году против унии и польских порядков, потерпело поражение. Наливайко был казнен, а реестровые были резко ограничены в своих правах и численности. В рядах казаков начались разброд и шатание. На протяжении десяти лет сменилось пятнадцать различных «гетманов», что никак не способствовало объединению и сплочению казаков.

Гетман П. Конашевич-Сагайдачный. Гравюра XVII в.

Король Сигизмунд III Ваза. Портрет XVII в.

Ослабление казачества сделало положение униатов и поляков на Украине еще более вольготным. Часть казаков ушла в Запорожье, другие разбрелись по городам. Именно к тем, кто, не желая покоряться, жил в вольной Сечи, и примкнул Сагайдачный.

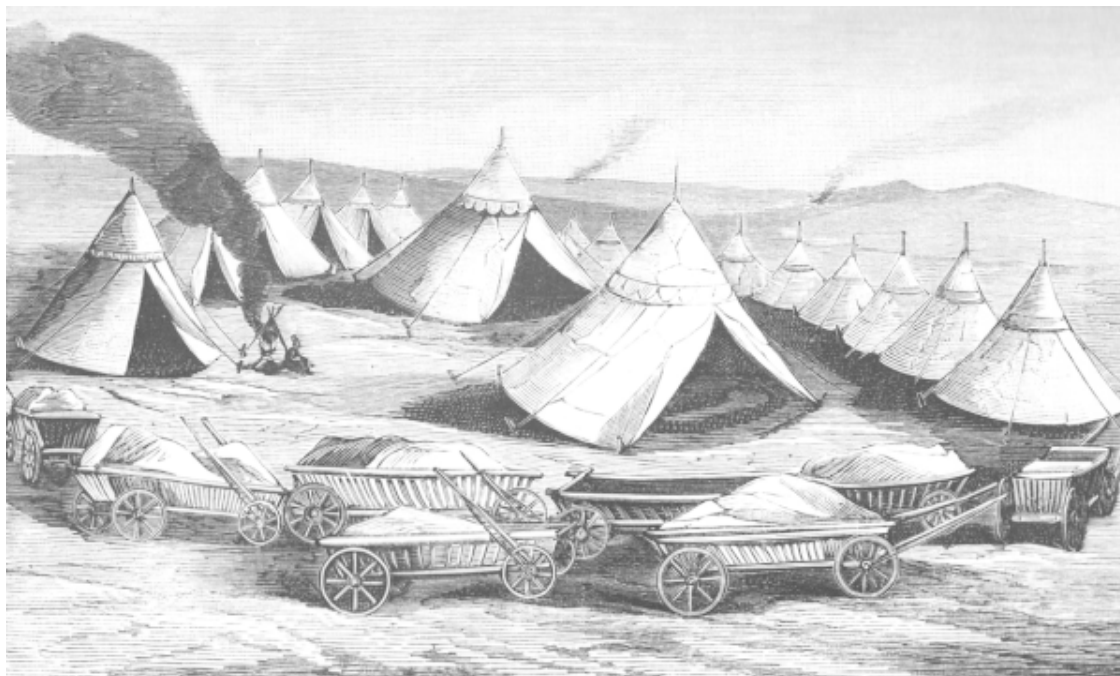
Зимовник, то есть постоянный лагерь запорожцев, в то время располагался в устье реки Чортомлык (старая Базавлуцкая Сечь). Добираться туда приходилось через тринадцать коварных порогов Днепра. Быт запорожцев в лагере был непривлекательным, жильем служили шалаши, сделанные из хвороста и покрытые от дождя лошадиными кожами⁶. Запорожский край до сих пор хранит память о знаменитом гетмане в названиях «Попелище Сагайдака» и «Кресла Сагайдака»⁷.

Первое боевое крещение Сагайдачный получил во время походов в Молдавию (1600 год), а затем – против шведов в Ливонию. В этих предприятиях, организованных поляками, казаками командовал Самойло Кишко, в Ливонии и погибший⁸.

Примерно в 1606 году казаки избирают Сагайдачного гетманом. Надо заметить, что он значительно выделялся из казацкой среды. Образованный, по всей вероятности знакомый с античными образцами военной тактики, имевший в своих планах гораздо более широкие горизонты помимо сиюминутной добычи, он сумел увлечь и повести за собой казаков. Как писал современник событий Якоб Собеский, «вообще этот человек великого духа, который искал опасность, не дорожил жизнью, в бой шел первым, выходил последним, всегда расторопный,

всегда деятельный. В таборе был настороже, мало спал и не напивался, как оно водилось у казаков. На советах был осторожный и во всяких разговорах малословный»⁹.

Это удивительное сочетание интеллектуала и гибкого политика, с одной стороны, и дерзости смелого воина и полководца – с другой, сделали Сагайдачного выдающейся фигурой своего времени, перед которой преклонялись даже враги.

Казацкий табор. Гравюра XVII в.

Понимая, что в противостоянии польскому правительству нужно иметь весомые аргументы, и в то же время осознавая необходимость занять казаков войной, Сагайдачный активно организует походы на юг¹⁰. Борьба с «неверными» всегда была одним из главных занятий запорожцев. Эти походы приносили добычу, славу, укрепляли авторитет и увеличивали роль казачества в глазах польского правительства. Росла популярность казаков и среди украинского населения.

Хотя подлинных свидетельств о ранних морских походах сохранилось немного, они характеризуют гетмана как талантливого и дерзкого полководца, значительно опередившего свое время.

Еще в 1606 году гетман по просьбе поляков совершил поход в Молдавию. Вернувшись, Сагайдачный разместил свои войска в королевских имениях Брацлавщины, претендуя на административную власть на данной территории. Дальнейшие походы он осуществлял без всякого разрешения или координации со стороны польских властей.

В 1607 году Сагайдачный опустошил турецкие крепости Очаков и Перекоп. В 1609 году его казаки сожгли Измаил и Килию¹¹. В 1613 году гетман со своими казаками дважды ходил на Черное море, где опустошил ряд населенных пунктов на полуострове Таврия. Против казаков турецкий султан направил эскадру, состоящую из галер и чаек¹². Однако казаки не только не испугались, но, наоборот, ночью напали на турок, стоявших в Очаковском порту, и разгромили их, захватив много чаек и шесть больших галер.

Сагайдачный не преминул послать сообщение о своей славной победе польскому сейму и лично коронному гетману Станиславу Жолкевскому. Это был не жест верного подданного, а

скорее дерзкий вызов казака, желавшего жить по собственным законам. Ведь Речь Посполитая категорически запрещала такие походы.

В том же 1613 году Сагайдачный напал на вторгшихся в Запорожье татар и одержал блестящую победу над ними на берегу реки Самары¹³.

1614 год начался для казаков неудачно. Выйдя очередной раз в море, они попали в сильную бурю. Чайки разметало в разные стороны. Многие казаки утонули, других выбросило на берег, где их перебили турки.

Это не смутило Сагайдачного, и в конце августа он во главе двух тысяч казаков снова вышел в море. В качестве лоцманов выступали турецкие пленные («рабы-отступники», под страхом смерти принявшие мусульманство, но сумевшие вырваться из неволи). Они прекрасно знали все подходы к прибрежным турецким городам, особенности их укреплений, топографию местности и т. д. Казаки вышли в открытые воды на сорока чайках, пересекли Черное море, достигли Малой Азии и неожиданно пристали к Синопу – хорошо укрепленной, многолюдной и сказочно богатой гавани.

Это было как гром среди ясного неба, ибо до Синопа никто из врагов не добирался более 250 лет – «с тех пор, как турки Азией завладели, никогда там не было тревоги и опасности». К тому же «город любовников», как называли Синоп за прекрасное местоположение, прелестные окрестности и великолепный климат, охраняла неприступная крепость, построенная из камня, с железными двухстворчатыми воротами, имевшая 6100 бойниц и цитадель с несколькими башнями. Синоп был мощной военно-морской базой в Османской империи, крупнейшей черноморской верфью.

Нападение на Синоп было спланировано и исполнено совершенно блестяще. Его предприняли ночью, и оно стало полной неожиданностью для турок. Внезапное появление отрядов Сагайдачного вызвало панику среди солдат местного гарнизона, экипажей судов и населения. С помощью приставных лестниц казаки ворвались в крепость, захватили цитадель, верфь, галеры и город, разрушили синопский замок и сожгли его цейхгауз, нанеся туркам огромный материальный урон. Они их именно сожгли! Сгорело также несколько мечетей и частных домов. Гарнизон был почти полностью уничтожен, захвачены большие запасы оружия, корабли, освобождены многочисленные христиане-невольники, чья радость не поддавалась описанию. Добыча казаков, по оценке современников, достигала сорока миллионов злотых. Погрузив трофеи и освобожденных пленников на чайки, запорожцы вышли из Синопской гавани и скрылись из виду.

Гетман С. Жолкевский. Портрет XVII в.

Как писал известный историк XIX века И. Каманин о набегах Сагайдачного, «смелость, быстрота и разрушительность... набегов превосходят всякие описания; такой силы они не имели ни до, ни после Сагайдачного и должны быть приписаны его военному гению. Они подняли на ноги всю Турцию».

Реакция турецкого правительства на такую дерзость со стороны казаков была предсказуемой. Султан избил буздыханом¹⁵ своего великого визиря, а затем приказал его повесить. Визиря спасло только заступничество жены и дочери¹⁶. После этого султан отправил в море своего наместника Ахмет-пашу с приказом вешать всех встретившихся на его пути казаков. Кроме того, было принято решение построить крепости в устье Днепра на Черном море для предотвращения подобных нападений.

Ахмет-паша собрал до четырех тысяч янычар, посадил их на галеры и направился в устье Днепра, поджидая возвращавшихся из похода казаков. Одновременно он приступил к строительству новых крепостей. При этом Ахмет-паша потребовал от польского короля, чтобы тот во время этой работы снабжал его войско продовольствием и необходимыми строительными материалами. Стоит отметить, что поляки сочли такие действия турок угрожающими безопасности Речи Посполитой. Вместо исполнения требований Ахмет-паши коронный гетман Станислав Жолкевский выступил на южную границу Польши, силой давая таким образом понять, что Речь Посполитая вполне способна защитить свои рубежи.

Возвращение казаков домой из Синопа было печальным. Узнав о поджидающей их в устье Днепра турецкой эскадре, Сагайдачный приказал пристать к берегу, не доходя до засады. Там они вытащили чайки на сушу и намеревались волоком миновать турок по берегу, а затем снова спустить свои суда на воду. Но турки настигли их, в жестоком бою убили около двухсот человек и захватили в плен двадцать казаков. Остальные, кинув в воду часть добычи, все-таки успели спустить чайки и уплыть с наиболее ценным добром. Попавшие в плен казаки были казнены в Царьграде¹⁷.

Из этого печального случая Сагайдачный сделал правильные выводы и в дальнейших походах не позволял туркам заставить себя врасплах на обратном пути.

Намерения турок выступить войной в казацкие земли и покончить с этой вольницей, приносящей столько неприятностей султану, натолкнулись на твердую позицию польского правительства, обещавшего лично разобраться с казаками, но выступавшего категорически против вторжения турок в пределы Речи Посполитой.

Не обращая внимания на угрозы со стороны Османской империи и Речи Посполитой, Сагайдачный весной 1615 года напал на восьмидесяти чайках на Константинополь. Там он сжег в окрестностях турецкой столицы порты Мизевна и Архиока, опустошил местность, полную дворцов османских сановников, торговых лавок и складов, и ушел с богатейшей добычей, перепугав самого султана, охотившегося поблизости и видевшего «из своих покоев дымы».

Опомнившись, турецкий флот погнался за казаками, догнал их возле устья Дуная, но казаки под прикрытием темноты бросились в атаку и в лучших традициях настоящих пиратов взяли галеры на абордаж. Произошел ожесточенный и кровавый рукопашный бой. Но уже с того момента, как казаки ворвались на палубы турецких судов, их победа была predetermined. Часть турецких кораблей потопили. Другие галеры казаки отвели под Очаков и там «в насмешку» сожгли их на глазах у турецкого гарнизона (увести их в Запорожье не представлялось возможным). Во время боя у Дуная попал в плен командующий турецким флотом. Победители на этот раз благополучно вернулись в Запорожье с богатой добычей и славой.

Не меньшую удачу в том же году принесла и сухопутная акция запорожцев. Большими силами они напали на окрестности Очакова, добрались до самого городского замка, увели много скота и успешно вернулись домой¹⁸.

Походы 1615 года казались безумной дерзостью, осуществленной практически под носом у самого султана. Но все было исполнено столь филигранно и профессионально, что их успех стал скорее закономерностью, чем простой удачей.

В следующем году Сагайдачный опять одержал победу на Днепровском лимане, напав на нового турецкого начальника флота Али-пашу. Эту флотилию выслал султан в отместку за Босфорский поход 1615 года. Не испугавшись, Сагайдачный вышел навстречу флоту и полностью уничтожил его. Были захвачены десятки галер и около сотни мелких судов. После этого гетман, не встречая на своем пути препятствий, напал и сжег Корфу – один из крупнейших невольничьих рынков Черноморья. Все пленники были освобождены и присоединились к казацкой флотилии. Константинополь пребывал в смятении и бешенстве.

Не остановившись на достигнутом, осенью 1616 года Сагайдачный направился к Минеру и Трапезунду, взяв приступом оба города и получив бесценную добычу. Против него была выслана турецкая эскадра, состоявшая из шести больших галер и множества мелких судов. Но казаки разбили и ее, потопив при этом три галеры.

На обратном пути турки во главе с Ибрагим-пашой по своему обыкновению поджидали казаков в устье Днепра, но гетман обманул их, пройдя устьем Дона, и затем, перетащив суда по суше, успешно вернулся в Запорожье¹⁹.

Там его ожидало неприятное известие: во время его отсутствия, не дождавшись казаков в устье Днепра, Ибрагим-паша ворвался в Запорожскую Сечь. Она была почти пустой, так

как запорожцы большей частью находились в походе или разошлись ввиду осеннего времени по городам. Гарнизон, состоявший из нескольких сотен казаков, отступил, а Ибрагим-паша довольствовался тем, что сжег зимовники, захватил пушки, лодки и взял в плен часть казаков.

Сагайдачный немедленно предпринял молниеносный маневр, у речки Конские воды догнал турок, перебил их и освободил всех пленных. Весьма характерный для гетмана эпизод!

Блестящие победы Сагайдачного на Черном море не имели себе равных практически на протяжении всей остальной истории Запорожья. Казацкое имя стяжало славу во всей Европе. Нанести столь ощутимые удары Порте казалось невероятным.

Турецкая угроза в начале XVII века имела для Европы первостепенное значение. Взятие Константинополя сделало Оттоманскую Порту могущественной державой. Это была уже не орда, а государство, способное выставить армию в 250 000 человек. В 1459 году ею была завоевана и обращена в турецкий пашалык (область, подвластная паше. – Т. Т.) вся Сербия. В 1460 году турки покорили Афинское герцогство и вслед за ним почти всю Грецию, за исключением некоторых приморских городов, оставшихся во власти Венеции. В 1462 году были завоеваны остров Лесбос и Валахия, в 1463 году – Босния. Затем турки опустошили Молдавию и поставили ее в вассальную зависимость. К XVI веку Порте принадлежал весь Балканский полуостров до Дуная и Савы, почти все острова архипелага и Малая Азия до Трапезунда, а также Валахия и Молдавия. Везде управляли или непосредственно турецкие чиновники, или местные правители, утверждавшиеся султаном и находившиеся у него в полном подчинении. В 1521 году турецкие войска взяли Белград, на следующий год захватили остров Родос. По перемирию 1547 года вся южная часть Венгрии обратилась в турецкую провинцию. В войне с Персией Порта заняла в 1536 году Багдад, в 1553 году – Грузию. После этого был захвачен Кипр, а в 1574 году – Тунис. Алжир и Триполи уже ранее признали свою зависимость от султана. Этим Порта достигла апогея своего политического могущества. Турецкий флот свободно курсировал по всему Средиземному морю вплоть до Гибралтара, а на Индийском океане нередко грабил португальские колонии. Галеры турок появлялись даже на Темзе.

К борьбе Венеции против Оттоманской Порты подключились другие мощные европейские державы. Сам христианский цесарь возглавлял борьбу против турок. В течение 1593 – 1606 годов шла война между Портой и Священной Римской империей (в ней принимали участие и запорожские казаки). Война закончилась перемирием, но никто не питал иллюзий в отношении дальнейших планов турок.

На фоне побед европейского масштаба влияние казаков в Речи Посполитой резко возросло. Они все больше превращались в силу, с которой приходилось считаться даже королю. Польский сейм неоднократно с тревогой отмечал, что казаки сами устанавливают себе законы, сами избирают командиров, сами управляют подвластными себе территориями и практически создают в рамках Речи Посполитой собственную республику.

Главным противником казачества выступал великий коронный канцлер и гетман Станислав Жолкевский (участник русской Смуты). Собрав в Житомире осенью 1614 года представителей магнатов и шляхты, он настоял на принятии «Ординации», практически ликвидировавшей все казацкие свободы и привилегии. Казацкого гетмана должен был назначать сам Жолкевский с согласия короля, располагаться казаки должны были исключительно в Запорожье и не селиться в украинских городах, не предпринимать походов на Османскую империю, подчиняться юрисдикции государственных, духовных и частных судов, а не собственному войсковому и т. д.²⁰

Казаки эту «Ординацию» проигнорировали, и, как мы уже отмечали, Сагайдачный продолжил свои успешные морские походы.

Однако следует заметить, что негативное отношение к казачеству со стороны польских властей не было беспочвенным. Нельзя идеализировать запорожцев и представлять их всех благородными борцами за православную веру. Среди казачества были и те, кто мало интере-

совался борьбой с унией и защитой православия, а тем более идеями национальной идентичности и просвещения. Грабежи и добыча – вот что привлекало многих авантюристов в казацком звании, и им было совершенно безразлично, кого грабить – турок, поляков, русских или своих же украинцев.

В условиях наступления польских властей на казацкие вольности именно такие авантюры на некоторое время стали популярными среди казаков. Они отстранили Сагайдачного (после его возвращения из похода) и избрали гетманом Дмитрия Барабаша. Конфликт с поляками вследствие этого только обострился. В конце 1616 года Жолкевский снова запретил походы на турок. В Запорожье нельзя было отправлять запасы из городов и местечек Украины.

Но весной 1617 года Речь Посполитую потряс слух о планировавшемся походе Алиматор-баши на пограничные города и замки. Спешно собирая войска, Жолкевский требовал присоединения казаков к польским отрядам для обороны страны, заявляя, что они «сами это пиво наварили». Казаки не пришли, дав злой и категоричный ответ. Моральные ценности, необходимость защищать родной край – все это было чуждо авантюристам.

Правда, и поход турок не состоялся. Более того, полякам удалось заключить под Яругою договор с Османской империей о мире. Первым пунктом стоял запрет «разбойникам-казакам» ходить на Черное море. Покончив с турецкой угрозой, Жолкевский намеревался расправиться и с казачеством. Но внешнее положение Речи Посполитой и ограниченные военные силы поляков делали такую задачу весьма проблематичной. Поэтому Жолкевский, узнав о разногласиях между казаками, решил воспользоваться ситуацией²¹.

Противостояние в среде казаков между старшиной и чернью уже тогда набирало силу. Это был не просто конфликт социальных слоев – богатые, бедные. «Бедными» запорожцы становились обычно по причине пьянства, азартных игр или трусости, не позволявшей им претендовать на добычу. Зато их голоса громко и яростно звучали на радах. Не признавая никаких ценностей, кроме «вольности», трактуемой в данном случае как свобода от всякой власти и порядка, они представляли собой страшную и темную силу. Что касается старшины, то она была озабочена юридическим статусом казачества, получением уступок от короля, расширением своего влияния на Украине, защитой православия и т. д. – вещами совершенно чуждыми, непонятными и лишними в представлении «черни».

Учитывая разногласия в казацкой среде, Жолкевский отправил в сентябре 1617 года письмо казакам, предлагая прислать комиссаров на переговоры. Вместо этого все казацкое войско выступило навстречу полякам. К Жолкевскому подоспели личные отряды магнатов Вольни, и они вместе приблизились к Белой Церкви. Непросто было объяснить буйным головам выгоды политики компромисса вместо открытой войны. В итоге казаки прислали своих депутатов, объявивших, что они не хотят воевать с Жолкевским. Гетманом снова избрали Сагайдачного.

Готовясь к переговорам, поляки составили еще более суровую декларацию, чем в 1614 году. По ее условиям число реестровых ограничивалось до тысячи, а всех непослушных предлагалось карать смертью. Этот абсурд постеснялись озвучить даже сами польские комиссары. Только для обороны границ требовалось гораздо большее число казаков. Что касается ежегодного жалованья и подтверждения казакам их вольностей, «данных прежними королями», то решили, что после ближайшего сейма казаки вышлют делегатов с этими просьбами к королю, причем комиссары обещали поддержать эти просьбы. В результате толком ничего не решили, и все соглашения имели расплывчатые формулировки.

Из числа реестровых должны были исключить разных отщепенцев, примкнувших к казачеству за последние годы. «Ремесленников, купцов, шинкарей, войтов, бурмистров, кафанников, болтунов, скотобойцев, портных и других неприкаянных от себя выгнать и исключить из реестров („выписать“), а также и всех новоприбывших мешан, которые в последние годы, выйдя из урядовой юрисдикции, пристали к нашему войску – чтобы уже больше казаками не

назывались и на будущее без воли короля его милости и пана гетмана коронного таких в войско принимать не будем». Это положение, по сути очищавшее и укреплявшее ряды казачества, очень устраивало Сагайдачного. Отныне реестровым казаком мог стать только земельный собственник²³. Кроме того, казаки упорно настаивали на том, чтобы гетмана сперва избирало все войско на раде («свободными голосами»), а уже потом утверждал король.

Тайные мечты поляков заключались в превращении казаков в сторожевую охрану числом до тысячи человек, живущую к тому же за пределами Речи Посполитой, в Запорожье. Такая упрямая и негибкая позиция польского правительства остро ставила перед казаками вечный вопрос: «Что делать?» Не предавать значения планам поляков, надеясь, что это «как-нибудь уляжется»? Активно участвовать во внешних походах польской короны и стараться перетянуть на свою сторону сильных мира сего? Или же сразу пойти на открытый конфликт и потребовать от правительства признания вольностей? К последнему были не готовы – слишком неравны еще силы, чтобы противостоять военной и экономической мощи польско-литовского государства. Но не приходилось надеяться и на добровольный отказ польских кругов от основных идей Речи Посполитой. Даже спустя полвека, в гораздо более тяжелые для себя времена, идя на уступки казачеству, польская шляхта все равно надеялась на реванш и жестокую расплату. В конечном счете такая негибкость и привела Речь Посполитую к гибели. Но тогда еще до этого было далеко.

Для развития казачества, усиления его влияния, требовалась большая и успешная война в интересах Польши. А для расширения влияния казачества среди населения следовало не допускать «выписчиков» до погромов. В этом смысле казачество было заинтересовано, чтобы поляки постоянно участвовали в военных конфликтах, а значит, испытывали потребность в казаках.

Понимая, что только сильная профессиональная армия, свободная от авантюристов и анархистов, станет серьезной силой в глазах поляков, Сагайдачный уделял огромное внимание реорганизации реестрового казачества.

Это был непростой процесс. Еще в 1604 – 1612 годах украинские казаки принимали самое активное участие в событиях русской Смуты, только с Дмитрием Самозванцем в 1604 году на Москву ходило двенадцать тысяч казаков. Эти походы имели и обратную сторону. В войне приняли участие десятки тысяч «показаченных», а включить их по возвращении из похода в реестр, понятно, не представлялось возможным. В результате по окончании военных действий все они остались без доходов и средств к существованию. Начались грабежи и разбои, не приносившие славы казацкому имени. Сагайдачному предстояло прекратить анархию в казацкой среде и создать регулярную армию, которая стала бы грозной военной и политической силой в Речи Посполитой.

Начал Сагайдачный свою деятельность по реорганизации войска с того, что использовал некоторые положения соглашения с поляками 1617 года, постаравшись избавиться от всех «приблудных». Он включил в экипировку реестровых ружье, заменив им луки, требовал наличия у каждого казака коня. Начинаются регулярные смотры войска. Поддерживалась строгая дисциплина, виновных наказывали вплоть до смертной казни. Поляки отмечали, что, укрепляя дисциплину, гетман пролил немало крови. Но результата он добился²⁴.

В результате реформы вместо пятидесяти-шестидесяти тысяч своевольников, согласно реестру 1619 года, осталось десять тысяч шестьсот человек регулярного войска. По мере надобности Сагайдачный мог увеличивать это число. Так, в Московском походе 1618 года принимало участие двадцать тысяч казаков, а в Хотинском 1621 года – сорок одна тысяча пятьсот. Но ядро отныне составляли реестровые полки – дисциплинированные, обученные. Они задавали тон всему войску и не позволяли своевольству возобладать над порядком.

Усиление роли казачества стало решающим фактором в решении религиозного вопроса, а именно – в юридическом восстановлении православия, лишённого после Брестской унии всех прав.

Понимая значение казачества для своих внешнеполитических планов, польское правительство было вынуждено пойти на некоторые уступки в отношении православия. Ещё в 1607 году на съезде под Сандомиром украинская шляхта постановила просить короля об уничтожении унии, лишении униатов епископских должностей и замещении их православными. Король обещал, но своего обещания не исполнил. Однако в конституцию варшавского сейма 1607 года была внесена особая статья «о религии греческой», в ней давалось обещание не нарушать прав украинского народа в отношении веры и не запрещать ему свободное отправление церковных обрядов. Этим послаблением не замедлили воспользоваться сторонники православия.

Центром борьбы против унии становится Киев. Именно там объединяются усилия гетмана Петра Сагайдачного и архимандрита Киево-Печерской лавры Елисея Плетеницкого, видного ученого богослова-полемиста, одного из лидеров украинского духовного возрождения. Сочетание военной силы казаков и материальных возможностей лавры, крупнейшего и богатейшего монастыря Украины, дало прекрасные плоды. Плетеницкий купил старую киевскую типографию, переоборудовал ее и в 1616 году выпустил там первую книгу. В Киев приезжают и другие известные православные полемисты – Захарий Копистенский, Иосиф Курцевич-Булига. Вместе они организуют кружок просвещенных борцов за православие.

В 1615 году вдова Мозырского маршала Гальшка Гулевич подарила «правоверным и благочестивым христианам» воеводств Киевского, Волынского и Брацлавского участок в Киеве. На дарованных Гальшкой землях планировалось построить монастырь, гостиницу для духовных странников, а также школу для шляхетских и мещанских детей. В конце 1615 года было учреждено Киевское братство, в которое вступили местное духовенство, мещане и шляхта, а также весь кружок Плетеницкого. В братство вступил и Сагайдачный со всем своим войском. Так у Киевского братства появился могущественный покровитель и защитник.

Основанный на земле Гулевич Богоявленский монастырь превратился в патрональный монастырь братства, а первым ректором начавшей работу в 1617 году братской школы стал однокурник Сагайдачного по Острожской школе Иов Борецкий. В школе обучали греческому, латинскому, польскому, церковнославянскому и украинскому²⁵ языкам, а также грамматике, риторике, философии, арифметике, истории, музыке, геометрии и астрономии. Для преподавания этих предметов Борецкий приглашал выдающихся ученых, писателей, общественных деятелей. Учениками школы были дети киевских мещан, духовных лиц и украинской шляхты.

Братский Богоявленский монастырь в Киеве. Изображение XIX в.

Интересно, что именно с Киевской братской школой времен Сагайдачного связывают возникновение одного из наиболее ярких театральных действий Украины – вертепа. Так назывался походный театр, в котором разыгрывалось Рождество Христово. Устраивали его студенты Киевской школы, они либо пользовались куклами, либо сами становились артистами²⁶. Текст пьесы был написан кем-то из православных иерархов и был направлен на поддержание в простом народе православной веры. В вертепе наряду с библейскими персонажами действовали ангелы, сатана, смерть и пр. Представление сопровождалось звуковыми эффектами, дымом и огнем.

Киевское братство постепенно крепло, разрасталось. Православные под защитой казаков все более уверенно чувствовали себя в Киеве, что не могло не вызвать неудовольствия со стороны униатов. Их митрополит Иосиф Рутский считал новое Киевское братство наибольшим препятствием для распространения унии в Киеве. Однако попытки начать наступление на православие в Киеве закончились провалом. Когда в 1618 году униатский игумен Выдубицкого монастыря А Грекович начал чинить препятствия православному духовенству, к нему ворвались казаки, схватили его и утопили в Днепре.

Внешнеполитическая ситуация тоже не благоприятствовала униатской церкви, так как польские власти все больше нуждались в услугах казачества и соответственно шли им на уступки в религиозном вопросе.

Сейм должен был собраться осенью 1618 года и рассмотреть, в частности, вопросы о православии и о реестровом казачестве. Но пока Рутский боролся с Киевским братством, а Жолкевский вел переговоры с казаками под Росью, королевич Владислав шел с небольшим войском на Смоленск, подтверждая свои претензии на московский престол. Польско-литовское войско, которому не заплатили, взбунтовалось, объявило конфедерацию²⁷, и Владиславу пришлось зазимовать в Вязьме. Возникла объективная необходимость привлечь к походу казаков, причем в значительном количестве (уж явно не «тысячу»).

Поляки оказались перед дилеммой: обидеть казаков, на которых была единственная надежда в связи с походом на Москву, или уступить им в каком-нибудь серьезном пункте. И

того, и другого делать не хотелось. В конечном счете было решено создать новую комиссию для переговоров с казаками. А пока потребовали от запорожцев сжечь челны и даже постановили заплатить им за это компенсацию в шесть тысяч злотых.

Сейм по инициативе Льва Сапегы ассигновал казакам двадцать тысяч злотых, и в Украине началась вербовка казацких полков. Собрав двадцатитысячное войско, Сагайдачный выступил в поход.

Московский поход – это малоизвестная в России страница истории украинского казачества. Прежде всего, Сагайдачный осадил и взял города Путивль и Ливны, пленив в последнем воеводу князя Никиту Черкасского. Затем хитростью взял Елец. Во время битвы погиб воевода Андрей Полев, а его жена попала в плен. Там же казаки взяли в плен и московское посольство, направляемое в Крым, со Степаном Хрущевым и подьячим Семеном Бредихиным.

Второй отряд казаков прошел через рязанские и тамбовские земли, взяв Данков, Скопин и Рязжск, вырезав в них немало жителей, включая женщин, детей и даже младенцев.

Единственный город, где войско Сагайдачного встретило упорное сопротивление, был Михайлов. Осада города продолжалась два дня и две ночи. Несмотря на то что гетман был крайне раздосадован неудачей, он не мог более задерживаться под небольшим местечком, так как надо было спешить на соединение с Владиславом²⁸.

К тому же навстречу Сагайдачному царь Михаил Романов направил из Пафнута монастыря освободителя Москвы князя Дмитрия Пожарского и Григория Волконского. Но в русском войске произошел разлад, солдаты занялись грабежом. Донские казаки, бывшие в войске, разбежались. Князь Пожарский серьезно заболел и по приказу царя возвратился в Москву, а Сагайдачный при переправе через Оку одержал победу над московским войском князя Волконского и беспрепятственно шел к Москве по Каширской дороге. 17 сентября он был уже в Бронницах. Оттуда передовые отряды казаков достигли Донского монастыря и появились под самой Москвой²⁹.

Двадцатого сентября Сагайдачный под Тушино соединился с остатками польского войска, находившимся в семи верстах от Москвы³⁰. Сын польского короля был спасен. Владислав осыпал подарками казацких послов, сообщивших о приближении гетмана, а Сагайдачному послал щедрые дары, булаву, знамя и литавры. На следующий день, «на утренней заре», поляки к своей радости увидели густо движущийся лес копий. Это были казаки. Во время торжественной аудиенции гетман передал королевичу взятых в плен московских комендантов Ельца и Ливен и перехваченных по дороге московских послов, направлявшихся с письмами в Крым. Возможно, именно с этого момента Владислав на всю жизнь сохранил теплые чувства к украинским казакам.

Осаду Москвы поручили Сагайдачному. Генеральный штурм назначили на 1 октября, в ночь перед Покровом Пресвятой Богородицы. Положение царя и его столицы было крайне тяжелым. Войск не хватало, измены бояр в годы Смуты стали делом обычным, а молодость и неопытность самого Михаила Романова не позволяли ему контролировать ситуацию.

В полночь Сагайдачный подошел к Москве и остановился возле Арбатских ворот. Уже прозвучал приказ о штурме, были выломаны Острожские ворота, но неожиданно гетман прекратил всякие действия и отступил³¹.

В историографии существует много различных объяснений этого события, в том числе вполне идиллических: мол, религиозные казаки, услышав церковный звон в честь праздника Покрова, прекратили кровопролитие православных³². Скорее всего, истина была прозаичнее. Сагайдачный, равно как и его казаки, считал себя подданным польского короля (которому они присягали). Московское государство, несмотря на единство веры, было им весьма чуждым. Но, с другой стороны, гетман опасался чрезмерного усиления Речи Посполитой в случае падения Москвы. Он хорошо знал чванство польских панов и мог предвидеть их реакцию в случае

столь значительной победы – прежде всего, пострадали бы сами казаки, точнее их вольности и церковь. Православное Московское государство являлось хорошим сдерживающим фактором непомерных амбиций католической Польши, хотя возможности такой защиты со стороны Москвы тогда, в 1618 году, были еще весьма призрачны. Это политические причины отступления. С военной точки зрения отступление тоже выглядело логично. Быстро овладеть Москвой было невозможно, а длительная осада города не входила в планы украинского гетмана³³.

Сагайдачный предпочел status quo. Он отступил на Калугу и завладел ею, равно как и Серпуховым³⁴.

Владислав тоже отступил от Москвы и начал мирные переговоры с царем. В результате Московский поход поляков закончился Деулинским перемирием, заключенным 1 декабря 1618 года на четырнадцать лет и шесть месяцев. По этому перемирию Владислав отказывался от притязаний на московский престол, должен был возвратить из плена митрополита Филарета (отца царя Михаила Федоровича), Шеина и других пленных русских дворян. За это Польша получала украинские города Чернигов, Стародуб, Новгород-Северский, а также Смоленск, Дорогобуж, Рославль и др.

По окончании Московского похода казачество потребовало от польского правительства выполнения обещаний. Переговоры проходили с большим трудом. Как уже не раз бывало, после успешного завершения войны поляки поспешили отказаться от своих посулов. С большим трудом казаки получили в виде компенсации тридцать тысяч злотых и семьсот свертков сукна. Что касается всех остальных условий, они выполнены не были. Наоборот, выражая на словах благодарность гетману за его участие в походе и за политику сдерживания в отношении «своевольцев», на деле Жолкевский вынашивал план расправы с казачеством. Тайное недолго оставалось таковым: казаки перехватили письма Жолкевского в Османскую империю и узнали о его планах репрессий.

Сагайдачный собрал под Белой Церковью почти десяти тысячное войско, угрожая полякам с оружием в руках защищать казацкие вольности. В ответ коронное войско подошло к Павлолучи. До столкновения дело не дошло. Начались непростые переговоры, тянувшиеся целую неделю. Соглашение, заключенное между сторонами, явно не могло удовлетворить гетмана: оно предусматривало запрет морских походов и уничтожение челнов. Зато значительным достижением стало получение права проживать в «королевских владениях», где казаки могли пользоваться своими «вольностями», т. е. не подчиняться ничьей юрисдикции. Таким образом, они на законном основании могли находиться на Украине, а не быть отрезанными в Запорожье. Жить в духовных и частных владениях казакам запрещалось. Всех, примкнувших к казакам за последние пять лет, надлежало вычеркнуть из списка. Но точная цифра реестра не называлась – ее должен был позже объявить сам король. Жолкевский получал право назначать гетмана (этот пункт в реальности не исполнялся). Годовой заработок увеличивали в четыре раза, до сорока тысяч злотых помимо сукна³⁵.

Желая произвести соответствующее впечатление на поляков, Сагайдачный пригласил польских комиссаров к себе и на их глазах провел смотр войска. Одиннадцать полков, все с ружьями, с собственной артиллерией и обслуживавшей ее пехотой. Всего десять тысяч шестьсот человек.

Многие казаки были недовольны политикой компромисса. В конце 1619 года гетманом реестровых был избран соперник Сагайдачного, лидер анархичного крыла и «выписчиков» Яков Бородавка. Впрочем, у власти он продержался недолго.

Дальнейшие события показали, что и сам Сагайдачный не собирался придерживаться условий соглашений с поляками. Уже в конце 1619 года пять тысяч казаков совершили набег на Крым и разбили татар под самой стеной Перекопа. Они уничтожили и увели в плен до пяти

тысяч человек. Оттуда запорожцы добрались до европейского побережья Порты и опустошили город Варну³⁶.

Воспользовавшись этим предложением, Сагайдачный, снова став гетманом, отправил в конце февраля 1620 года своего атамана Петра Одинца в Москву. Посольство должно было сообщить царю об удачных действиях казаков против турок и предложить служить ему против общего врага христианства³⁷. Казацкие послы приехали в Москву с гетманской грамотой и двумя татарскими языками. Двадцать шестого февраля казаков торжественно приняли глава Посольского приказа думный дьяк Иван Грамотин и дьяк Савва Романчуков. На приеме казаки объявили о своем желании «служить великому государю». Одинец напомнил, что запорожцы и раньше служили московским царям, и рассказал о недавнем походе казаков против крымских татар. Выслушав послы, Грамотин похвалил их за стремление служить государю и обещал доложить о результатах встречи Боярской думе. Спустя некоторое время запорожцев приняли в Боярской думе, где их приветствовали князь Дмитрий Пожарский, а также думный посольский дьяк Иван Курбатов и Савва Романчуков. Правда, к царю казаки не попали. Им объяснили, что на дворе Масленица, скоро пост, а во время поста царь не принимает послы и иноземцев. Казаков одарили деньгами, тафтой, сукном, шапками и дали небольшое жалованье в триста рублей на Войско Запорожское. Соглашение заключено не было, более того, путивльские воеводы, пропустившие посольство в Москву, получили строгий выговор и приказ «впредь таких великих дел без указа не дерзать» и «так не глупить»³⁸.

Отношение царского двора к украинским казакам вообще и к Сагайдачному в частности после Московского похода было однозначно отрицательным. Идеи защиты христиан и православного единства в то время еще совершенно не вписывались во внешнеполитическую доктрину Московского государства. Недавние события Смуты не позволяли рисковать нарушением Деулинского соглашения.

Наоборот, патриарх Филарет на соборе 1620 года установил практику перекрещивания украинцев, выходящих из Польши и Литвы, не считая их истинно православными³⁹. В 1627 году начались гонения на украинские книги, обращавшиеся в русских церквях.

Но, возможно, Сагайдачный, посылая посольство, и не рассчитывал на многое. Ему было достаточно того, что его посланцев приняли и наградили в Москве. Этим он повышал собственный авторитет среди казаков, а что еще более важно – давал полякам недвусмысленный сигнал, куда он пойдет, если репрессии станут чрезмерными.

Оставив на время борьбу за казацкие вольности, гетман сосредоточился на проблемах православной церкви⁴⁰.

Учитывая, что после Брестской унии король раздавал высшие духовные должности только униатам, православное духовенство редело, епископов не было, для рукоположения священников приходилось обращаться к Львовскому епископу Иосифу Тиссаровскому. Постепенно у лидеров Киевского братства созревает идея восстановления православной иерархии.

Сагайдачный и Борецкий разработали смелый и дерзкий план. Они решили воспользоваться приездом в Москву иерусалимского патриарха Феофана по случаю посвящения митрополита Филарета в сан Московского патриарха. Из Москвы Иов Борецкий пригласил Феофана в Киев. В феврале 1620 года патриарх пересек границу Московского государства и доехал до Густинского монастыря вблизи Прилук, где его встретил Сагайдачный с полком казаков⁴¹.

Двадцать второго марта 1620 года патриарх прибыл в Киев и был поселен в Братском Богоявленском монастыре, где его тоже охраняли казаки «как пчелы матку свою»? по выражению Густинской летописи. Такие меры предосторожности объяснялись подозрительным отношением к Феофану в польских кругах. У поляков были даже намерения арестовать патриарха.

Со всех концов Украины и Белоруссии, от церквей, монастырей и братств прибывали делегаты, которым патриарх раздавал благословения и грамоты. Гетман объявил патриарху

о своем желании посвятить митрополита и епископов. Сначала Феофан отказывался, опасаясь гнева польского короля, но казаки пообещали предоставить ему полную безопасность. Гарантии, данные казачеством и шляхтой, стали решающими. 13 августа патриарх обратился к православным Речи Посполитой, прося их выбрать себе епископов⁴². Затем начался процесс посвящения избранных иерархов.

Шестого октября 1620 года в Богоявленской церкви был посвящен на Перемышльское и Самборское епископство игумен Братского Богоявленского монастыря Исаия Копинский. 9 октября посвятили в Киевские митрополиты Иова Борецкого. Совершалось это с большими предосторожностями, ночью. Окна церкви были заколочены досками и завешены, чтобы свет не привлек чьего-либо внимания, а снаружи здание окружали казаки. Затем на Туровское и Пинское епископство был поставлен грек Авраамий, прибывший в Киев вместе с Феофаном. Архиепископом Полоцким, Витебским и Мстиславским стал Мелентий Смотрицкий⁴³.

Патриарх Феофан. Гравюра XVII в.

В конце своего пребывания в Украине патриарх посетил церкви и монастыри Киева, побывал в Белой Церкви (там состоялось посвящение Исаака Борискевича в епископы Луцкие и Острожские), в казацком монастыре в Терехтемирове (где посвятил князя Курцевича в епископы Владимирские и Брестские). Епископом Холмским и Вельским стал Паисий Ипполитович. Особой грамотой Феофан дал Киевскому братству права ставропигии⁴⁴ и подтвердил создание братской школы для «наук эллино-славянского и латино-польского письма».

Восстановление православной иерархии было встречено польскими и униатскими властями с крайним негодованием. Феофан был объявлен турецким шпионом. Двадцать второго марта 1621 года Сигизмунд III подписал универсалы к властям Великого княжества Литовского с повелением переловить и предать суду посвященных Иерусалимским патриархом епископов.

Однако воплощение в жизнь этих универсалов столкнулось с большими сложностями. Лев Сапега, канцлер Великого княжества Литовского, долго колебался, прежде чем поставить государственные печати на упомянутые универсалы. Свое промедление канцлер мотивировал перед королем опасением «поголовного возмущения и большого кровопролития, которое могут произвести в Польше и на Литве православные обыватели, а в особенности казаки, у которых сила много значит»⁴⁵.

Правда, и сам Сигизмунд III вынужден был изменить свое враждебное отношение к восстановленной православной иерархии ввиду грядущей войны с Османской империей, в которой ему, как никогда, требовалась помощь казаков. Это понимал и Сагайдачный и спокойно выжидал удобное время для обращения к королю. Его не смущал даже тот факт, что к власти среди казаков опять пришло анархическое крыло, избравшее гетманом Бородавку.

Предположение Сагайдачного, что польскому правительству скоро понадобятся услуги казаков, оказались верными. Султан начал военные действия против Речи Посполитой. Гетман великий коронный С. Жолкевский, по-прежнему непримиримый к казакам и мечтавший поймать Феофана, возвращавшегося с Украины, не желал идти ни на какие уступки, несмотря на предупреждения со стороны Сагайдачного. В результате Жолкевский был вынужден выступить против турок с небольшим польским войском и маленьким отрядом казаков. Седьмого октября 1620 года он был разбит в битве под Цецорой и погиб. В этой же битве был убит отец Богдана Хмельницкого, а сам будущий великий гетман попал в турецкий плен.

Разгром польского войска и гибель прославленного полководца вызвали в Польше панику. Татарские загоны появились в Подолии, Галиции и Волыни. Крайняя ситуация снова заставила короля обратиться к казакам. Сигизмунд обратился к патриарху Феофану (которого ранее называл шпионом и самозванцем) с просьбой повлиять на казаков, чтобы те помогли Польше. Он даже был готов назначить православного иерарха на пустующую кафедру епископа Луцкого!

Удерживая казаков от участия в походе, Сагайдачный созвал 15 июня 1621 года большую раду в урочище Сухая Дуброва. Туда направились Сагайдачный и Иов Борецкий в сопровождении трехсот священников и пятидесяти монахов. Рада продолжалась три дня. Борецкий произнес пламенную речь о насилии и издевательствах, творимых польским правительством над верой и православным духовенством. Митрополит зачитал сообщение о погроме православных, учиненном униатами в Вильно. Речь вызвала огромное воодушевление со стороны казаков. Они обещали защищать веру, не жалея жизни. Было решено направить Сагайдачного и епископа Курцевича (выпускника Падуанского университета) к королю, чтобы просить о признании прав духовенства, посвященного Феофаном⁴⁶.

Посланцы прибыли в Варшаву и на сейме заявили свои условия. Многие выступавшие на сейме поляки призывали решить религиозный вопрос, дабы обеспечить военную поддержку казаков. Сагайдачный имел и личную встречу с королем. Помимо требования признать посвященных митрополита и епископов, он настаивал на распространении власти казацкого гетмана на всю Украину, на получении населением свободы вероисповедания и т. д. Только когда Сигизмунд пообещал выполнить эти условия, Сагайдачный вернулся в Киев.

Однако, не дождавшись Сагайдачного, казаки под начальством Бородавки выступили на войну. Головорезов-авантюристов не занимали духовные проблемы и задачи восстановления церковной иерархии. Перспектива большого военного похода под флагом короля привлекала

их гораздо больше. Это, безусловно, ослабило позицию Сагайдачного в переговорах с Сигизмундом. Не теряя времени, он сам выехал к войску.

Султан Осман II угрожал разграбить Краков, древнюю столицу польских королей, уничтожить католическую веру и растоптать конскими копытами их святых. Огромная армия султана состояла из ста пятидесяти тысяч турок (с учетом всех слуг эта цифра удваивалась) и нескольких десятков тысяч татар. Поляки смогли противопоставить этому только тридцать пять тысяч человек, поэтому участие казаков становилось решающим.

Официально возглавлял Хотинский поход королевич Владислав, которого казаки уже однажды спасли под Москвой. Его помощником был новый коронный гетман Карл Ходкевич, сменивший Жолкевского. Двадцать второго июля поляки перешли Днестр и расположились недалеко от Хотина. С Бородавкой пришло более сорока тысяч казаков (сорок одна тысяча пятьсот двадцать человек согласно сохранившемуся реестру). Артиллерия состояла из двадцати двух орудий.

Когда Сагайдачный прибыл в польский лагерь, он обнаружил, что казаков там еще нет. Поляки встретили его с радостью, наградили подарками и отправили с двумя отрядами навстречу казакам. По дороге в табор Сагайдачный ошибочно принял турецкий лагерь за запорожский. С простреленной рукой, потеряв много крови, он чудом ушел от погони, укрылся в ближайшем лесу и уже ночью добрался до казацкого стана.

Его прибытие сразу изменило расстановку сил. Сообщение о переговорах с королем, о полученных обещаниях сильно ослабили позицию Бородавки, против которого и без того росло недовольство.

В конечном счете 8 сентября Бородавка был арестован, а затем по приказу Сагайдачного казнен. Так Сагайдачный снова стал гетманом. Заметим, что этот эпизод неоднозначно трактуется историками. Все современники высказывались о Бородавке как о беззастенчивом авантюристе, стремившемся только к грабежам и добыче. Тем не менее сам Сагайдачный, хотя и прославился своими крутыми мерами по отношению к нарушителям дисциплины, видимо, переживал казнь Бородавки. Об этом свидетельствует тот факт, что, умирая, он оставил в своем завещании распоряжение о поминальных службах по Бородавке⁴⁷.

Ю. Бранд. Битва под Хотинском. XIX в.

Не теряя времени, Сагайдачный принял на себя командование и выступил маршем через турецкие позиции. Первого сентября казаки достигли польского лагеря и встали на расстоя-

нии «выстрела из лука», построив боевой табор. Это была их обычная тактика, которая, как считается, пришла к ним от гуннов и прочих кочевников. Нечто подобное использовали и дружины киевских князей. Для укрепления своего табора казаки использовали обоз. Обычно в поход брали из расчета один воз фуража, провианта и боезапасов на каждые пять – десять человек. Для маневренности возы делались таким образом, чтобы в них можно было запрягать лошадей с любой стороны. При создании табора возы ставили в несколько рядов, сцепляя их цепями. Все это обносилось валом и сетью соединенных окопов. На подступах рыли волчьи ямы и другие ловушки. При долгой обороне в возы насыпали землю, а колеса закапывали. Возы прекрасно предохраняли от турецко-татарских стрел и к тому же создавали безопасную позицию для ответной стрельбы по противнику.

Начались жестокие схватки под Хотинем. Султан вознамерился покончить с польско-казацким войском. Он поклялся ничего не есть, «пока не отправит в пекло на ужин всех поляков до последнего». Не дав отдыха своим людям, он сразу с марша бросился в бой. Основной удар пришелся на казацкие отряды, укрепившиеся в таборе. Сагайдачный предпринял смелый маневр, практически оголив центральные позиции, по которым пришелся огонь артиллерии, и расставив казацкую пехоту с обоих флангов. В результате турки не смогли нанести противнику серьезного урона артиллерийским обстрелом, но сами попали под шквальный оружейный огонь с флангов.

Во главе казаков постоянно был Сагайдачный. Проявляя чудеса храбрости и героизма, он врывался в табор врага. В подарок Ходкевичу он прислал пленного пашу.

Лишь вечером бой приостановился. Казаки добыли богатые трофеи – коней со сбруей, одежду, оружие, боеприпасы. У турок было много убитых, ими овладела паника, многие готовы были бежать. Поговаривали, что султан плакал от злости.

На рассвете 8 сентября янычары вновь бросились в атаку. Казаки в окопах выжидали, когда враг приблизится, и лишь тогда по команде открыли ответный огонь. В результате во рву перед табором погибло более трех тысяч янычар, а потери казаков были незначительными.

Сагайдачный не только успешно организовывал оборону, но и постоянно досаждал туркам вылазками. Особенно успешной была казацкая вылазка в ночь на 12 сентября, когда казаки ворвались в турецкий обоз. Они забили пушки, собрали добычу и захватили пленных. В рядах турецкого войска началась паника, погибло более шестисот янычар. Сам султан с мурзами бежал. Однако развить успех не удалось, так как Ходкевич не прислал вовремя подкрепления.

После этой ночи деморализованные турки прекратили бои и перешли к осаде табора. Но в польско-казацком лагере тоже было неспокойно. Казаки открыто заявляли свое возмущение действиями поляков, не поддержавших их во время атаки. Владислав приказал провести расследование, успокоившее казаков. Однако беды на этом не закончились. Тяжело заболели лихорадкой королевич Владислав и Ходкевич. Коронный гетман скончался 24 сентября.

Поднимая настроение казаков, Сагайдачный предпринял очередную вылазку. Они побили турок, пленили нескольких пашей. Бывший визирь Гусейн-паша тоже чуть было не попал в плен, но он бежал в лес и, умирая от страха, всю ночь пролежал в яме. Его соболю шубу казаки с триумфом принесли в лагерь.

Польский шляхтич-современник И. Ерлич писал о Хотинской войне, что Сагайдачный «взвалил все военные тягости на себя и во всем руководил. А как он советовал, так их милости паны гетманы и королевич его милость и поступали».

Турки некоторое время не предпринимали никаких действий. Только 28 сентября, после прибытия подкрепления, Осман II дал новый бой, продолжавшийся целый день. И снова все дело решил Сагайдачный, который, ударив с тыла, вынудил турок бежать.

Долгое военное противостояние, продолжавшееся тридцать девять дней, завершилось 8 октября 1621 года заключением мира между Османской империей и Речью Посполитой⁴⁸.

На блестящем банкете в честь победы Владислав выставил для казаков сорок восемь бочек меда, двадцать четыре куфы (одна куфа – сорок ведер) горилки и двадцать пять бутылок молдавского вина. Лично Сагайдачный получил от королевича яства, сласти, семь анталов (один антал – пять ведер) лучшего венгерского вина, бочку рейнского вина, бутылку катнарского и дюжину золочено-серебряных фляжек с лекарственными горилками. Но Сагайдачный смог воспользоваться только одним подарком Владислава – прекрасным шатром кармазинового сукна. Гетман лежал тяжело больной, страдая от полученных ран.

Восемь дней длился банкет, а затем есаулы ударили в казаны, и войско стало собираться домой. Перед отъездом Владислав зашел к Сагайдачному. Гетман с трудом встал на ноги, и королевич повесил ему на шею золотое украшение с королевским портретом, украшенным рубинами, и польский герб с орлом, усыпанным сапфирами. Увидев приготовленную для Сагайдачного простую повозку, Владислав приказал подать свою коляску с балдахинном. Прислал он и собственного врача-француза.

Король послал гетману драгоценную булаву и знамя, четыре тысячи червонцев и золотую цепь, а также сорок тысяч битых талеров (один талер – один серебряный рубль).

Польское правительство не могло не понимать, что казаки спасли страну от тяжелой войны. Казаки вернулись героями, получили награды. Их подвиги воспевали, сам папа Римский заказал торжественную мессу в честь Хотинской победы. Но выполнить главное условие казаков – восстановить православную церковь – поляки не желали. Что касается Сагайдачного, то он приехал в Киев смертельно больным⁴⁹.

На примере Сагайдачного – человека, многого раз спасавшего Речь Посполитую в прямом смысле этого слова, достигшего вершин славы и богатства, – особенно ярко заметна бездна пренебрежения, отделявшая польскую шляхту от украинской шляхты и казачества. Якуб Собеский, прекрасно знавший гетмана по Московскому и Хотинскому походам и искренне восхищавшийся им, все равно пишет о «простом происхождении» Конашевича. Между тем сам Собеский был польским шляхтичем, хотя и занимавшим высокие посты в Речи Посполитой (это только много позже его сын, Ян Собеский, благодаря воинским заслугам станет польским королем). Но, несмотря на «шляхетскую демократию», Якуб все равно считал православного украинского шляхтича человеком, стоящим много ниже себя на социальной лестнице. А другой современник Хотинской эпопеи, хронист Петрций вообще высказывал удивление, как Сагайдачный мог давать столь ценные военные советы, когда был «в науках неученый»⁵⁰. Это про выпускника-то Острожской школы, публиковавшего полемические труды! Как же должны были тогда надменные паны смотреть на обычных казаков или православную шляхту?

В начале 1622 года в Варшаву отправилось казацкое посольство, просившее о ликвидации унии и об «успокоении православных». Тяжело больной Сагайдачный лично отправил к королю письма, прося прекратить преследования казаков и распространение униатства в украинских землях.

Оставалась нерешенной и вторая проблема – что делать с участниками похода. Сагайдачный предложил демобилизационный план, по которому Речь Посполитая должна была выплачивать сто тысяч злотых в год на содержание двадцати тысяч реестровых казаков, то есть почти половины участников Хотинского похода. С целью предотвращения стычек и насилия гетман предлагал назначить места для расположения казаков. План предусматривал также увеличение сумм на содержание госпиталя и разрешение казакам наниматься на иностранную службу, что в условиях Тридцатилетней войны в Европе было особенно актуально.

Взятие Кафы. Гравюра XVII в.

Разочарованный Сагайдачный не дождался последнего удара – провала казацкого посольства и умер от полученных под Хотинском ран 10 апреля 1622 года. За несколько дней до смерти, находясь еще «при доброй памяти и здоровом уме», в присутствии митрополита Иова Борецкого и своего преемника по гетманскому званию Олифера Голуба Сагайдачный завещал пятнадцать тысяч злотых Львовской братской школе, а также крупные суммы Киевскому братству, церквям, монастырям и школам.

Условия его последней воли, согласно которой он оставил лишь небольшую часть своего состояния жене (она встречала его в Киеве по возвращении из Хотинского похода), дают основания полагать, что семейная жизнь не принесла славному гетману счастья. История не сохранила нам имя его супруги. Детей у него, видимо, не было. Казацкая песня донесла нам из глубины веков упоминание, что Сагайдачный «проміняв жінку на тютюн та люльку⁵¹». Вероятно, он действительно любил свободу и опасность больше жены⁵².

Хоронили гетмана на кладбище Богоявленского братства «с великим плачем Войска Запорожского и всех людей православных». Могила его просуществовала до 30-х годов XX века, до уничтожения Братского монастыря и церкви большевиками.

На смерть Сагайдачного ректор Киевской братской школы Касьян Сакович написал знаменитый панегирик, ставший образцом украинского поэтического барокко. Панегирик был украшен первой украинской гравюрой гражданского содержания с портретом гетмана и изоб-

ражением взятия Кафы. На похоронах Сагайдачного панегирик читали двадцать студентов Киевской школы. «И умер боронячи мира ойчистого...» («И умер, защищая отечество...». – *Т. Т.*).

Примечания

- ¹ Історія України в особах. Литовсько-польська доба. К, 1997. С. 231.
- ² Даже современные польские исследования высказывают некоторые сомнения в шляхетском происхождении Конашевича (*Hetmani zaporoscy w służbie króla i Rzeczypospolitej*. Warszawa, 2010. S. 130.). Между тем портрет гетмана, сделанный его современником, изображает Конашевича-Сагайдачного с гербом «Побуг», что, безусловно, свидетельствует о его шляхетском происхождении.
- ³ Герб «Побуг»: в красном поле серебряная опрокинутая подкова, увенчанная кавалерским крестом.
- ⁴ *Аукомский В.К., Модзалевский В.А.* Малороссийский гербовник. К, 1993. С. 159.
- ⁵ *Яворницький Д.І.* Гетьман Петро Конашевич Сагайдачний. Днепропетровськ, 1991. С. 27.
- ⁶ *Лассота Э.* Путевые записки. СПб., 1873. С. 167.
- ⁷ *Яворницький Д.І.* Гетьман Петро Конашевич Сагайдачний. С. 28.
- ⁸ Історія українського війська. Львів, 1936. С. 179.
- ⁹ *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. К, 1995. Т. VII. С. 371–372.
- ¹⁰ Предположения, высказанные современными польскими исследователями, что Сагайдачный участвовал в походах Самозванцев, не подтверждены источниками.
- ¹¹ Історія України в особах. С. 232.
- ¹² Галера – весельно-парусное военное судно, имела в длину от 40 до 50 м, ширину 6 м и осадку 2 м. Имела от 26 до 30 весел, по три гребца на каждом. Экипаж состоял из 450 человек. Чайка – легкое весельно-парусное военное судно, длиной 60 м, шириной 10–12 м. Экипаж 40–50 человек.
- ¹³ *Яворницький Д.І.* Гетьман Петро Конашевич Сагайдачний. С. 29.
- ¹⁴ *Королев В.Н.* Босфорская война. Ростов-на-Дону, 2002. С. 167–169.
- ¹⁵ Род булавы.
- ¹⁶ *Королев В.Н.* Босфорская война. С. 171.
- ¹⁷ *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. VII. С. 347.
- ¹⁸ *Королев В.Н.* Босфорская война. С. 174–181.
- ¹⁹ Там же. С. 182–187.
- ²⁰ *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. VII. С. 351.
- ²¹ Там же. С. 358–359.
- ²² Под «вольностями» в данном случае подразумевалось освобождение от налогов, а также от любого судебного преследования кроме суда казацкого гетмана.
- ²³ *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. VII. С. 363–365.
- ²⁴ Історія українського війська. С. 181–183.
- ²⁵ имеется в виду «проста мова», на которой велась вся переписка украинской шляхты и старшины, делопроизводство Войска Запорожского, а также создавались поэтические и драматические произведения украинского барокко.
- ²⁶ *Маркевич Н.А.* Обычай, поверья, кухня и напитки малороссиян // *Українці: народні вірування, повір'я, демонологія*. К., 1992. Вид. 2.

- ²⁷ В Речи Посполитой: союз с целью выражения протеста.
- ²⁸ Повесть об осаде г. Михайлова гетманом Сагайдачным в 1618 г. // Киевская старина, 1885. № XII. С. 685.
- ²⁹ *Максимович М.* Сказание о запорожском гетмане Петре Конашевиче Сагайдачном. М., 1850. С. 5.
- ³⁰ *Печегина Е.* Московский поход П. Сагайдачного // *Ucrainica Petropolitana*. Вып. 2. СПб., 2008. С. 31–37.
- ³¹ *Муханов П.А.* Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши. М., 1834. С. 66.
- ³² *Максимович М.А.* Сказание о запорожском гетмане Петре Конашевиче Сагайдачном // Максимович М.А. Собрание сочинений. К., 1876. Т. I. С. 6.
- ³³ *Сас П.* Гетман Петро Сагайдачний // Володарі гетманської булави. К., 1994. С. 107.
- ³⁴ *Печегина Е.* Московский поход П. Сагайдачного // *Ucrainica Petropolitana*. СПб., 2008. Вып. 2. С. 31–37.
- ³⁵ *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. VII. С. 380–387.
- ³⁶ *Яворницький Д.І.* Гетьман Петро Конашевич Сагайдачний. С. 43.
- ³⁷ Речь шла именно о наемной службе, а не о подданстве.
- ³⁸ ВУсР. М., 1953. Т. I. № 1. С. 4–15.
- ³⁹ Православных в Украине крестили обливанием, в то время как в Московском государстве – окунанием.
- ⁴⁰ В современных польских исследованиях этой стороне деятельности Сагайдачного уделяется удивительно мало внимания. История Киевского братства практически вообще ими не освещается.
- ⁴¹ Участие запорожских казаков в восстановлении (иерусалимским патриархом Феофаном) православной южно-русской церковной иерархии в 1620 году // Киевская старина. К., 1905 г. Октябрь. С. 136.
- ⁴² По традиции, сложившейся в Украине и Белоруссии, в избрании церковных иерархов принимали участие и миряне.
- ⁴³ *Максимович М.А.* Собрание сочинений. Сказание о гетмане Петре Сагайдачном. К., 1876. С. 367.
- ⁴⁴ То есть братство, напрямую подчиняющееся патриарху.
- ⁴⁵ Участие запорожских казаков в восстановлении... С. 139.
- ⁴⁶ *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. VII. С. 459–461.
- ⁴⁷ *Яворницький Д.І.* Гетьман Петро Конашевич Сагайдачний. С. 49–50 и др.
- ⁴⁸ *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. VII. С. 469–479.
- ⁴⁹ «На том пляцу тот наш гетман постреленій
Пріихал до Кієва на полі умерлій.
Где розмаитіх лікарств довгий час заживал,
На докторі от кроля самого кошт метал».
Панегирик К. Саковича.
- ⁵⁰ Оба источника цитированы нами по: *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. К., 1995. Т. VII. С. 371–372.
- ⁵¹ То есть на табак и трубку.
- ⁵² Правда, поляки приписывали Конашевичу «чрезмерное служение Венере».

Глава 2

БОГДАН ЗИНОВИЙ ХМЕЛЬНИЦКИЙ¹

Богдан Хмельницкий происходил из семьи украинской православной шляхты (скорее всего, с Западной Украины), тесно связанной с судьбой казачества.

Его отец Михаил служил при дворе великого коронного гетмана² Станислава Жолкевского, прославившегося борьбой с турками и участием в русской Смуте. Молодой энергичный шляхтич, видимо, принял участие в одном из «наездов» (т. е. нападении на соседей), столь распространенных в те времена и, не имея особых покровителей, был осужден на изгнание («инфамию»³)⁴. Ему не оставалось ничего другого, как податься в вольные казацкие края. Так получилось, что как раз в это время приятель С. Жолкевского, Ян Данилович (впоследствии в 1605 году женившийся на дочери Жолкевского Софье⁵), получил должность Корсунско-чигиринского старосты. Он и взял (вероятно, по протекции Жолкевского) Михаила Хмельницкого с собой в эти приграничные края⁶. Произошло это в 1594 году⁷.

Даниловичи – это старинный галицкий род, который вел свою родословную от Даниила Галицкого. Они были ярким примером старинных украинских фамилий, сильно ополячившихся к началу XVII века, однако сохранявших дружественные отношения с казаками. Другим таким магнатом был князь Константин Острожский, основатель православной академии, противник унии и союзник казаков. В этом ряду можно вспомнить и Дмитрия Вишневецкого – еще одного представителя старинного княжеского рода, ставшего основателем Запорожья и посвятившего всю свою жизнь казачеству.

И. Вишневецкий. Портрет XVII в.

К началу XVII века тесная связь представителей магнатских и шляхетских родов с казачеством становится нормой. Князья набирали отряды казаков, устраивали походы на татар и в Молдавию. Особенности пограничной жизни, необходимость постоянно быть готовым к опасности (это относилось не только к казакам, но и к мещанам, крестьянам, шляхте) создавали совершенно особый менталитет и сглаживали все различия между шляхетской элитой и простыми казаками. В конечном счете на Киевщине трудно было найти шляхетскую семью, которая так или иначе не была бы связана с казачеством – напрямую или через родственников⁸.

Все это было особенно верно для Чигиринщины, представлявшей собой в конце XVI века безлюдный пограничный край, постоянно подвергавшийся татарским набегам и находившийся в тревожной близости от Дикого поля. Хотя именно эта близость к вольным местам и делала Чигиринщину центром казачества.

Михаил Хмельницкий получил от Даниловича должность «осадчего», т. е. устроителя новых поселений. Он должен был расчищать и измерять участки под поселения, привлекать переселенцев, обустраивать их. Обычно в новых слободках жили беглые крестьяне, которые не вынесли гнета в западных областях Украины и искали новой жизни в «вольных краях». Михаил, впрочем, как и местные магнаты, смотрел на это сквозь пальцы.

Хмельницкий-старший проявил себя талантливым организатором и в награду вскоре был назначен подстаростой новосозданного Чигиринского староства. Это была высокая должность, так как в отсутствие старосты (редко посещавшего свои владения) подстароста управлял зам-

ком, возглавлял суд, командовал войском и т. д. С помощью Хмельницкого Ян Данилович основал местечки Крылов (1616 год) и Лысянку (1622 год).

Днепровские пороги. Начало XX в.

Став влиятельным и состоятельным человеком, Михаил построил собственный хутор Субботов под Чигириным, а также слободку Новосельцы.

Заведя хозяйство, Михаил женился на казачке Анастасии, еще теснее связав себя с казацкой судьбой. Примерно 30 октября 1595 года (ст. ст.) у них родился сын, названный Богданом (народная форма церковного имени Федор – Богом данный). По традиции того времени ему дали и второе имя – Зиновий⁹.

Начальное образование Богдан предположительно получил в какой-то украинской школе – о чем свидетельствует его почерк. Затем он поступил в иезуитский коллегиум во Львове, которому покровительствовал С. Жолкевский. Там он закончил классы грамматики, риторики и поэтики и таким образом получил хорошее по тем временам образование. Он свободно владел польским и латынью, а в будущем к этим языкам добавились турецкий и татарский.

Иезуиты, безусловно, старались привить своим ученикам любовь к католической вере, но в случае с Хмельницким данное ему образование впоследствии обернулось для них только крупными неприятностями. Наука иезуитов очень многое дала Богдану и легла на благодатную почву природных способностей будущего дипломата и политика. Без этих знаний он не смог бы с легкостью общаться с иностранными государями, вмешиваться в европейскую политику и строить собственную политическую игру.

А еще иезуиты научили Хмельницкого разбираться в людях и владеть психологией толпы. Ни одному из его преемников (даже П. Дорошенко) не удалось так искусно управлять казацкой массой, как это делал Богдан. Когда было нужно, он превращался в «добротного батька», в других ситуациях – представал грозным и жестким вождем. Его речи увлекали и захватывали. Безусловно, человек, перекроивший всю политическую карту Восточной Европы

и сумевший заставить повиноваться сотни тысяч восставших крестьян, обладал незаурядными способностями.

После коллегіума Богдан вернулся домой и с головой окунулся в атмосферу тревожной, но вольной жизни приграничья.

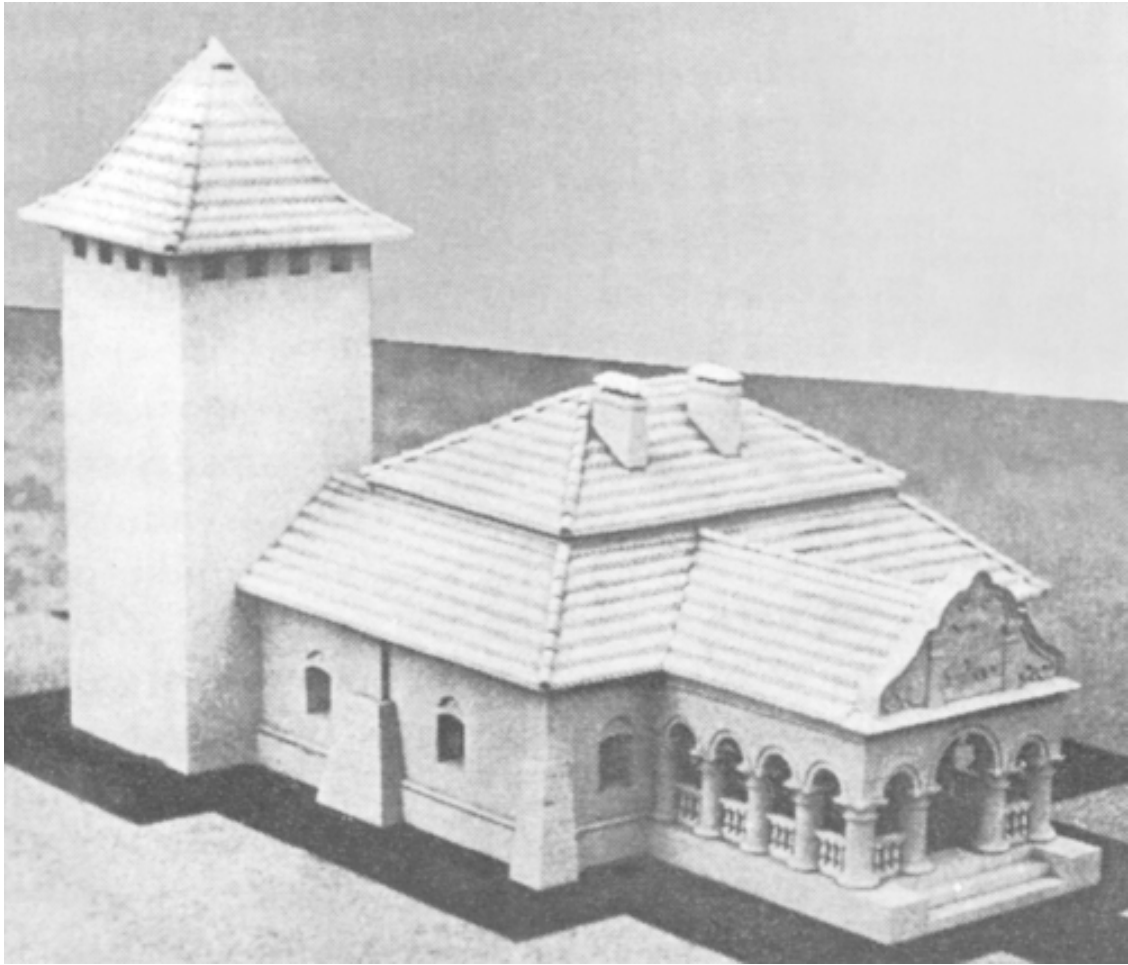
Не стоит удивляться приятельски-патронажным¹⁰ отношениям его отца с украинскими и польскими магнатами. Это был недолгий период, когда многие лидеры казацкого движения (такие, как П. Сагайдачный) выступали за компромисс и сотрудничество с польской королевской властью. Во времена Сагайдачного даже борьба за православие практически не выходила за легитимные рамки. Организуя посвящение православных иерархов иерусалимским патриархом вопреки воле Сигизмунда III, Сагайдачный все равно оставался верным королевским подданным. Именно в этом духе воспитывался и Богдан, для которого приятельские отношения с магнатами и даже королем были явлением естественным, а положение казака казалось ничуть не менее достойным, чем статус польского шляхтича. Долгие годы он будет считать Речь Посполитую своей отчизной, а себя – королевским подданным.

В 1620 году отец и сын Хмельницкие приняли участие в походе С. Жолкевского против турок. В трагичной для поляков битве под Цицорой Михаил был убит, а Богдан попал в плен¹¹.

Турецкий плен коренным образом изменил жизнь Богдана. Ему повезло, он не попал на галеры, но два года провел в Константинополе у одного из офицеров султанского флота. За это время он сумел завести знакомства среди многих влиятельных пашей, близких к султану. Тем не менее он вспоминал это время, как «лютую неволю». Из плена его выкупила мать.

Субботов. Реконструкция XX в.

Усадьба Б. Хмельницкого в Субботове. Реконструкция XX в.

Вернувшись домой, Богдан поселился в отцовском имении Субботове, но избрал себе казацкую карьеру, а не должность администратора на службе у магнатов. Он вступает в только что созданный Чигиринский реестровый полк.

Для Богдана служба в регулярной армии была прекрасной школой. Никаких точных данных об этих годах жизни Богдана не сохранилось. Но доподлинно можно сказать, что он был известным и уважаемым казаком, храбрым и умелым воином. Правда, никакой выдающейся роли в войске он в эти годы не играл.

Но времена менялись. В войне с турками погиб С. Жолкевский, от ран умер П. Сагайдачный, в 1628 году скончался Ян Данилович. Старые обычаи панибратских отношений казаков с украинскими магнатами тоже отходили в прошлое. Угасали украинские княжеские рода, на вольную Восточную Украину все больше проникали польские магнаты. Старинные отношения, представлявшие из себя смесь патроната и противостояния, заменялись открытой национальной и социальной враждой¹².

Польские магнаты не понимали и не желали понимать особенностей приграничного края. В казаках они видели только бунтовщиков, зазнавшихся «холопов», к тому же схизматиков, упорно придерживавшихся своей религии. В сенате и сейме тоже все большую силу набирали сторонники «жесткого» обращения с казаками. В 1635 году на Правом берегу Днепра возле первого порога по решению польского правительства была построена крепость Кодак. Ее главной функцией являлся контроль над Запорожьем. Такое положение дел в конечном счете не могло не привести к взрыву.

Но пока Богдан пытался вести старый образ жизни. Он во многом был человеком своей эпохи, с огромным, но еще не реализованным потенциалом. Его можно считать последователем Сагайдачного (с которым он наверняка встречался), т. е., имея свои идеалы и принципы, он оставался сторонником компромисса. Неизвестно, как сложилась бы жизнь Хмельницкого, не вмешайся в нее сильный личный фактор. Впрочем, его судьба стала отражением всей ситуации в Украине, а личный толчок, заставивший начать восстание, ничуть не принижает его заслуги.

Овдовевшая мать Богдана вышла замуж за шляхтича Василия Ставецкого (у них родился сын Григорий)¹³ и оставила все хозяйство в Субботове на попечение сына. Он вскоре женился на Ганне Сомко, сестре переяславского мещанина Якима Сомко (впоследствии претендента на гетманскую булаву)¹⁴. Сам по себе выбор невесты говорит о том, что Хмельницкий не слишком ценил «шляхетство». От этого брака родились четыре дочери (известны две старшие – Елена¹⁵ и Степанида) и два сына – Тимош (род. около 1634 года) и Юрий (около 1642 года)¹⁶.

Унаследовав от отца недюжинные организаторские и хозяйственные способности, Богдан расширял свое хозяйство, одновременно активно участвуя в делах казачества. Не смог он остаться в стороне и в 1637 году, когда Чигиринщину охватило очередное казацкое восстание под руководством Павла Бута (Павлюка)¹⁷. Казаки добивались от поляков соблюдения своих вольностей и привилегий, расширения реестра (т. е. увеличения числа признанных правительством и обладающих привилегиями казаков¹⁸), принятия в него «выписчиков» (т. е. исключенных из списка).

Генеральное сражение восставших с поляками произошло под Кумейками 6 декабря 1637 года. Полякам удалось пробить брешь в лагере, Павлюк отступил и не предпринимал никаких усилий, чтобы организовать оборону. Казаки свергли его с гетманства и начали переговоры, с польской стороны их вел украинский православный магнат Адам Кисель. Он дал письменное заверение сохранить жизнь всем, кто сложит оружие.

После капитуляции Павел Бут и его четыре соратника были выданы, а на казацкой раде казаки сдали знамя, гетманскую булаву и бунчук, присягнули на верность королю и назначили новых реестровых старшин. Писарем был избран Богдан Хмельницкий. Ему пришлось подписать акт капитуляции Войска Запорожского.

Но, к великому огорчению Хмельницкого, никакие уступки не помогли казакам¹⁹. Польская армия огнем и мечом прошла по Украине, зверски казня восставших (их сажали на кол). Казакам была навязана унижительная «Ординация Войска Запорожского», по ее условиям реестр сократили до шести тысяч, вместо гетмана главой реестровых теперь становился комиссар, которого назначали польские власти, а места полковников получали польские офицеры. Казакам разрешалось жить только в пределах Черкасского, Корсунского и Чигиринского староств. Возобновленный Кодак преграждал путь в Запорожье, куда казаки не могли ездить без специальных паспортов от начальства. На Украине расквартировали польские войска, следившие за «благополучием» в крае.

Король Владислав IV. Портрет XVII в.

На фоне этих трагических событий и апатии, овладевшей многими, авторитет Богдана растет. Его избирают Чигиринским сотником – высшая должность, на которую могли назначить «не поляка». Он входит в состав казацкой делегации на переговорах с королем Владиславом IV. Встреча произошла в Вильно в начале 1639 года²⁰. Хотя король и отказался удовлетворить просьбы казаков о послаблении условий Ординации, но личное знакомство с Владиславом стало весьма важным в жизни Богдана.

Казаки снова включают его в состав делегации, отправляющейся на сей раз для участия в сейме. В течение осени 1639 года Хмельницкий находился в Варшаве и опять встречался с королем. Знакомство с польским двором, сенаторами и наблюдение за работой сейма в дальнейшем очень пригодились Богдану.

Между тем начинался «золотой век польской шляхты», которая после подавления казацких восстаний поверила в свою вседозволенность. Католицизм наступал по всем фронтам. Анна Ходкевич, в девичестве Острожская, перенесла прах своего отца, последнего православного Острожского, в иезуитский монастырь и там перекрестила останки по католическому обряду. Это вызвало в среде православного населения массовые выступления протеста, жестоко подавленные поляками. В 1640 году по решению воеводского суда был казнен студент Киевского коллегиума – по несправедливому обвинению, с единственной целью запугать его

соучеников. Не меньшим репрессиям подвергалось и казачество, все руководство которого было теперь поляками и католиками.

Похоже, что в этих условиях Богдан на некоторое время дистанцировался от политики. У него родился второй сын. В январе 1644 года вместе с четырьмя тысячами казаков Хмельницкий принял участие в битве с татарами под Охматовым. Это был совместный поход с польской армией, возглавлял ее коронный гетман Станислав Конецпольский. Любопытный факт: татарами командовал перекопский мурза Тугай-бей, будущий друг и соратник Богдана.

Весной того же года было принято решение нанять запорожских казаков на службу к французскому королю. Переговоры по приказу кардинала Мазарини в Варшаве вел французский посол де Брежи. Он встречался с Хмельницким и записал в своем отчете, что «это человек образованный, разумный, силен в латинском языке»²¹. Именно Богдан вместе с двумя другими казацкими старшинами был отправлен в 1645 году во Францию, и там в Фонтенбло вел переговоры о найме двух тысяч казаков²². Путешествие по Европе не могло не расширить кругозор нашего героя.

Вернувшись домой, Хмельницкий, разумеется, стал еще более уважаемым и влиятельным человеком в среде казаков. Между тем в Речи Посполитой вынашивали далеко идущие планы войны с Османской империей. Активным сторонником этих планов являлись сам король Владислав IV, а также канцлер Ежи Оссолинский и гетман великий коронный Станислав Конецпольский. Было решено использовать поддержку венецианцев и папского двора, а также привлечь казаков. С этой целью организовали приезд в Варшаву делегации старшин, в ее состав вошел и Хмельницкий. В начале марта 1646 года ночью состоялась тайная встреча казаков с королем. Владислав обещал увеличить реестр до двадцати тысяч, вернуть старые «вольности» и даже выделить на Украине «казацкую территорию». В свою очередь, казакам надлежало готовиться к походу на Порту. Для изготовления шестидесяти челнов им выдали шесть тысяч талеров. Правда пока все эти планы следовало держать в тайне²³.

Дальше все пошло совсем не по плану. Умер Станислав Конецпольский, и Владислав лишился своего основного союзника. Возникла сильная магнатская оппозиция, которая боялась любых послаблений казакам, опасаясь, что король использует их в борьбе за абсолютную власть.

Эти масштабные события наложились на значительно более мелкие, произошедшие с Хмельницким, но на самом деле явившиеся их следствием. Экспансия польских магнатов на Восточную Украину достигла Чигиринщины. Огромные владения в этом издавна казацком и вольном регионе получили Конецпольские. Сын покойного Станислава, Александр, стал Корсунским и Чигиринским старостой, что облегчило реализацию его территориальных претензий. Конецпольский стал активно присоединять к своим и без того огромным владениям все соседние слободки. В частности, дело коснулось и Субботова, находившегося по соседству. Предлогом послужило полное отсутствие у Богдана бумаг, подтверждавших права наследования этого имени.

Чигирин. Рисунок Т. Шевченко

Вероятно, чванливый молодой магнат Александр Конецпольский, презиравший казаков и ненавидевший Украину, не стал бы особенно возиться из-за маленького Субботова. Но нашлись люди, начавшие активно претворять в жизнь волю своего пана. Не бескорыстно, разумеется. Таковым был подстароста Чигиринский, поляк Даниил Чаплинский (занимавший такую же должность, как в свое время отец Хмельницкого).

Теперь, по прошествии трех с половиной веков, трудно сказать, что в большей степени подталкивало Чаплинского: желание самому завладеть Субботовым, стремление выслужиться перед Конецпольским или зависть к благополучию Хмельницкого. В любом случае, исключительное благополучие православного казака – шляхетного, состоятельного, счастливого, встречающегося с самим королем – страшно раздражало поляка.

Примерно в начале 1646 года Чаплинский выпросил у Конецпольского грамоту на Субботов. Не желая сдаваться, Богдан отправился в Варшаву и после личной встречи с королем получил от Владислава жалованную грамоту на Субботов с лесами, сенокосами и мельницами («шляхетному Богдану Хмельницкому, сотнику чигиринскому») ²⁴. Казалось, можно на этом деле поставить точку. Но не тут-то было! Конфликт за маленький Субботов стал символом противостояния за влияние в Украине польских магнатов с одной стороны и казаков с украинской шляхтой – с другой. То, что король покровительствовал вторым, еще больше подливало масла в огонь.

В ноябре 1646 года магнаты в борьбе за власть одержали на сейме полную победу над Владиславом. После этого коронный гетман Николай Потоцкий обратился с универсалом к казацкой старшине, приказывая отменить планы турецкого похода и уничтожить приготовленные челны. Ни о каких уступках казачеству речь уже не шла. Большинство реестровых старшин решило покориться.

Челядь Конецпольского сочла эти события сигналом к действию. В конце того же года татары предприняли набег на Чигирин. Когда Хмельницкий участвовал в ответном рейде и ехал возле своего полковника, некто Дашевский, поляк, подъехал к нему сзади и ударил его саблей по голове. Он размозжил бы ему череп, если бы не железный шлем. Потрясенному

этим поступком Богдану поляк издевательски ответил: «А я думал, брат, что ты татарин». Когда Хмельницкий повез в резиденцию к Н. Потоцкому пленных татар, то в его отсутствие по приказу Чаплинского забрали его лучшего серого боевого коня. Чаплинский объяснял, что это сделано в счет уплаты налога, так называемой «поволовщины», но казаки были освобождены от этого налога²⁵. Наверняка имелись и другие, не дошедшие до нас случаи притеснения.

Наконец, примерно в марте 1647 года с благословения Конецпольского Чаплинский совершил наезд на Субботов. Наняв «шайку голодных людей» и пользуясь отсутствием Богдана, они завладели гумном, где хранились большие запасы зерна, сожгли хатки поселенцев, вытоптали посевы. Увез Чаплинский и «прекрасную Елену».

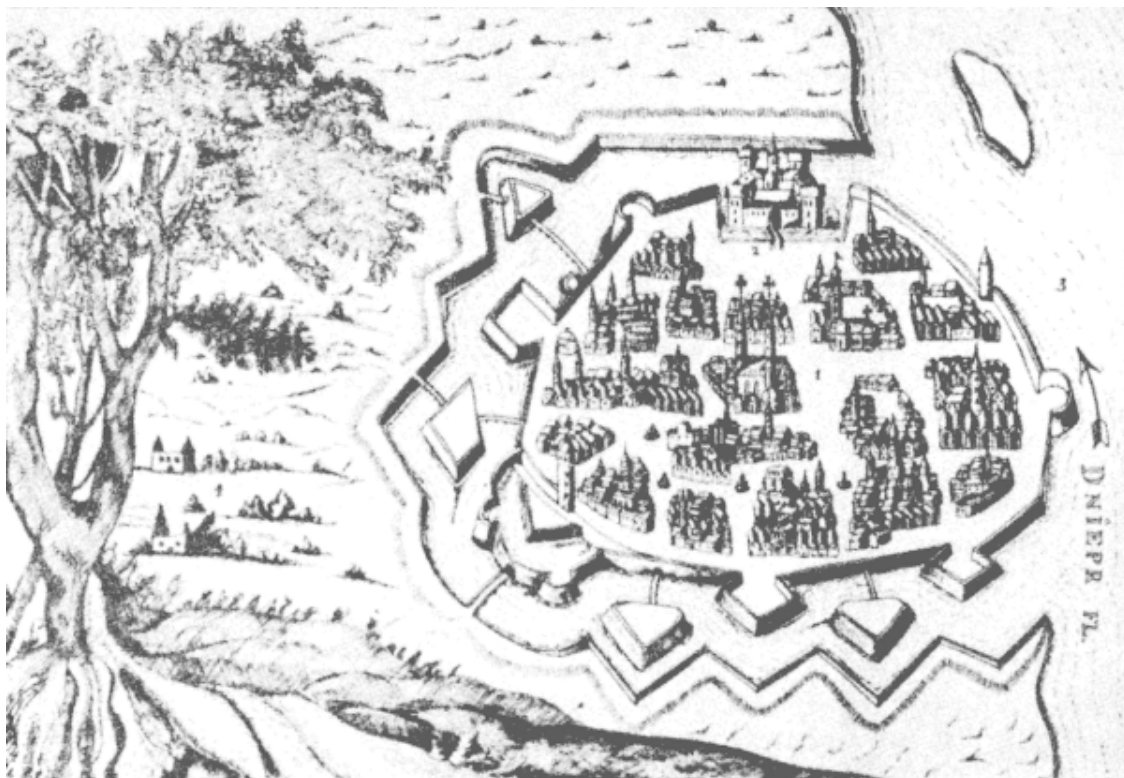
Эта загадочная женщина сыграла, безусловно, значительную роль в жизни Богдана и, скорее всего, была единственной его любовью. К моменту наезда на Субботов первая жена Хмельницкого умерла, и он взял в дом некую «сироту», она жила на правах воспитанницы и была немногим старше Тимоша²⁶. Когда после нападения на Субботов Богдан обратился в суд и к королю, Чаплинский женился на Елене по католическому обряду. Был ли он тоже влюблен, или просто спасал себя от неприятностей – неизвестно.

Пристроив семью в Чигирине, Хмельницкий отправился к Н. Потоцкому просить управы на А. Конецпольского, а затем уехал в Варшаву. Но в сенате магнаты посмеялись над Богданом. Видимо, на его примере они хотели указать всем казакам на их реальное место в иерархии Речи Посполитой. Так на обвинения в похищение возлюбленной, ему отвечали: «Охота тебе, пане Хмельницкий, жалеть о такой женщине! На белом свете много красавиц получше. Поищи себе другую, а эта пусть останется с тем, к кому привязалась» (т. е. с Чаплинским)²⁷.

Там же в Варшаве в мае 1647 года состоялась последняя встреча Хмельницкого с королем. Владислав признал, что своеволие сенаторов перешло всякую меру, но лично вмешиваться в спор за Субботов не стал. Согласно легенде, король намекнул Богдану на возможность решить вопрос силой: «Ты казак, и у тебя есть сабля». Владислав думал отвлечь стороны от конфликта, вернувшись к проекту турецкого похода, и предложил Хмельницкому возглавить его. Король написал и письмо к Конецпольскому, призывая его сдерживать своеволие своих наместников²⁸.

Но это только озлобило магнатов. Хмельницкого, не таясь, спрашивали: «Да разве вам поможет король, такой-растакой сын?»²⁹. Чаплинский поймал на Чигиринском рынке сына Богдана и приказал высечь его плетьюми. А зять Чаплинского, напившись в корчме, божился принародно, что если им не удастся засудить Богдана, то они непременно сами убьют его или прикажут убить³⁰.

На Украину выехал канцлер Е. Оссолинский и в июне 1647 года тайно встретился с Хмельницким. Речь шла все о том же плане похода на турок, но на этот раз Богдану передали грамоту и булаву, назначив его старшим на время этого похода.

Киев. Гравюра XVII в.

Но было уже поздно: поляки перешли черту. Своеволие магнатов загнало Хмельницкого в угол. Из верного и трудолюбивого подданного он уже превратился в бунтаря. Полученные королевские клейноды он и не собирался использовать по назначению. Богдан проводит серию тайных совещаний, в которых участвуют многие из старшин. На встречах с казаками Хмельницкий горячо и страстно говорил о несправедливости в собственной стране, о самоуправстве магнатов («Урядники берут все, что им понравится в доме казака. Жены, дочери казацкие принуждены плясать, когда они заиграют»). Вот когда стал проявляться его выдающийся талант оратора!

В считанные месяцы имя Богдана было на устах всей Украины. И те истины, которые были известны всем, те обиды, которые случались ежедневно, наполнились новой болью и гневом отозвались в казацких сердцах.

Осенью 1647 года напряжение достигло апогея, но когда восстание уже было готово вспыхнуть, на Украину напали татары. Казаки и поляки выступили для отражения противника. И в это время Чигиринский есаул Роман Пешта написал на Богдана донос. Чаплинскому этого только и надо было. Он приказал арестовать Хмельницкого и бросить в чигиринскую тюрьму. Пешта выгнал семью Богдана из Чигирина и в истерике кричал: «Уж если и теперь Хмельницкий живым останется, то тогда можно будет поверить, что люди воскресают».

Гетман Б. Хмельницкий. Рисунок XX в.

Но случилось то, чего никто не ожидал. Богдана спасла его «прекрасная Елена». В своем письме к Потоцкому Богдан писал, что Чаплинский, «пьяница и безрассудный человек, тяжко обесчестил меня четырехдневным содержанием в тюрьме между заключенными злодеями, и если бы Чаплинская, добродетельная и милосердная к гибнущим людям Естер, не помогла мне в той тюремной неволе своими просьбами, не знаю чтобы стало с моей головой от вражеских науськиваний Чаплинского»³¹.

Все-таки далеко не простые отношения объединяли Елену и Богдана еще до восстания, раз она решилась защищать его от собственного мужа, всем известного своей жестокостью. Судьба Чигиринского сотника была Елене явно не безразлична. С другой стороны, слова Богдана весьма напоминают пылкие выражения влюбленного.

Хмельницкого выпустили, а затем его кум, Чигиринский полковник Станислав Кричевский, взял его на поруки и поселил у себя в доме. Больше искушать судьбу Богдан не стал: взяв с собой Тимоша, он бежал в Запорожье. Вместе с ним уехало примерно пятьсот реестровых казаков. На дворе стоял декабрь 1647 года. В истории Украины начиналась новая эра.

Вначале Богдан с друзьями поселился ниже Сечи, на острове Буцке. Очевидец событий, польский шляхтич, писал в эти дни своему приятелю из Подолии: «Хмельницкий сильно укрепляется на неприступном острове Буцке. Провианту у него в избытке, есть и пороховой завод. Вот что наделала жадность шляхты и тиранское обращение с казаками! Прибавлю, что по всему видно – будет продолжительная и трудная война».

Богдан занимался агитацией, принимал в свою армию всех желающих – в основном это были вольные казаки, занимавшиеся промыслом³², и беглые крестьяне. Хмельницкий не преминул воспользоваться и врученными ему королем клейнодами. Фактически начинавшееся с воеводы Владислава восстание поднималось против своевольных магнатов.

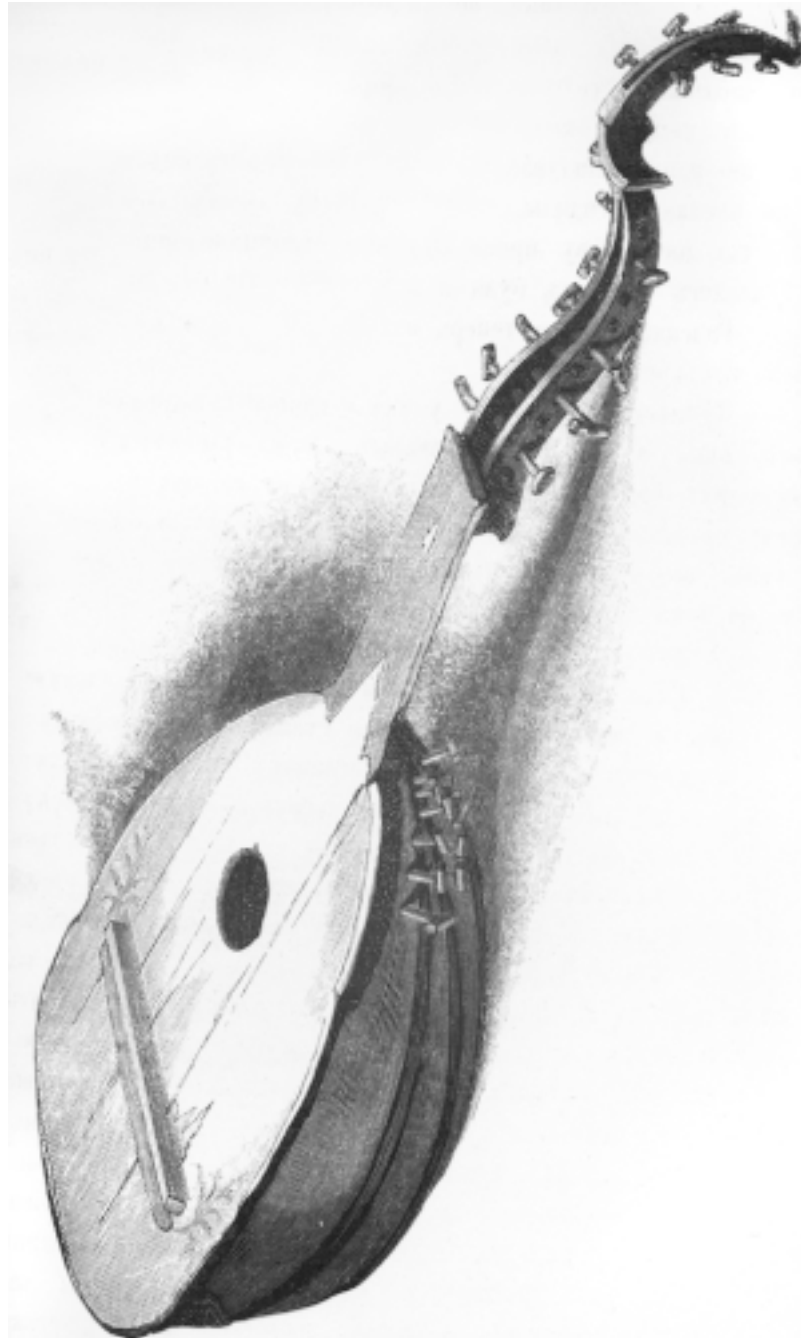
К концу января 1648 года у Хмельницкого уже имелось достаточно сил, чтобы двинуться на Запорожскую Сечь, находившуюся под контролем поляков. Охранявший ее польский полковник Гурский бежал. Был разбит и присланный на подмогу Чигиринский полк, причем многие реестровые перешли на сторону восставших.

После этого Богдан Хмельницкий был избран казаками гетманом. Начался новый этап борьбы. Его посланцы отправлялись в Киевщину и Брацлавщину готовить восстание. Призыв бороться против поляков находил живой отклик у тысяч казаков и крестьян. Последнее десятилетие «золотого века польской шляхты» накалило страсти до предела, достаточно было искры, чтобы вспыхнул настоящий пожар.

Маленькая трагедия маленького человека получила такой эффект, потому что почти у каждого жителя Украины в своей семье, семье друга или соседа тоже случилось нечто подобное. И в трагедии Хмельницкого, как в капле воды, все видели собственную судьбу.

Началась массовая подготовка к восстанию. По селам ходили kobzari, в своих песнях воспевавшие казацкую вольность, в церквях священники говорили о бесчинствах униатов и католиков, о необходимости с оружием в руках защищать православие. Попытки поляков конфисковать оружие только еще больше накаляли ситуацию.

Но дальнейшие события не стали развиваться по знакомому сценарию казацких восстаний. Богдан был по натуре скорее искусным дипломатом, прошедшим прекрасную иезуитскую школу, нежели шальным казацким атаманом. Прекрасно понимая всю силу военной машины Речи Посполитой, он не довольствовался сбором добровольцев, а решил заручиться союзниками, и прежде всего военной поддержкой Крыма. Опереться на татар казацкие лидеры пробовали и до Богдана, но только ему, во многом благодаря знаниям и контактам, приобретенным в годы плена, удалось добиться от хана реальной помощи. Привлечение на свою сторону татар стало совершенно нестандартным шагом гетмана, адекватного ответа которому поляки долго не могли найти.

Кобза. XVII в.

В феврале были отправлены посольства к турецкому султану и к крымскому хану. Тогда же отослали письма и к донским казакам. Судьба благоприятствовала Богдану. Голод и массовый падеж скота в Крыму подтолкнули хана Ислам-Гирея к союзу с казаками. В конце февраля был заключен союз, а в марте прибыли первые татарские чамбулы (отряды)³³. После прихода войска перекопского мурзы Тугай-бея (того самого, с которым еще недавно воевал Богдан) должен был прибыть и сам хан. Татары обещали грабить и убивать только поляков, не трогая украинские города и села. Заложником в Крыму остался Тимош Хмельницкий.

В это же время Полторакожух по приказу Богдана вел пропаганду среди реестровых казаков.

Богдан настаивал на возвращении старых «вольностей», на отставке поляков с должностей полковников, на автономии казацкого края. Но польские власти еще не до конца осознали

всю серьезность ситуации. Войско, предназначенное для похода на Запорожье, собиралось медленно, раздавались голоса, чтобы разрешить морские походы и этим успокоить казаков. Об этом, в частности, в марте 1648 года писал король. Именно запрет походов считали корнем всех проблем канцлер Е. Оссолинский и брацлавский воевода А. Кисель. И только коронный гетман Н. Потоцкий настаивал на немедленных военных действиях. Он практически блокировал все попытки мирных переговоров с казаками, и в гневе писал Хмельницкому: «Скорее попадете на кол, чем дождетесь вольностей». На это Богдан отвечал философски: «Будет, пан гетман, так, как Бог даст».

Хан Ислам-Гирей. Гравюра XVII в.

Потоцкий не собирался ждать. Он не знал, что король издал указ, запрещающий поход на Запорожье. Впрочем, он вряд ли бы ему подчинился. Двадцать первого апреля Потоцкий отправил в поход своего сына Стефана с отрядом в четыре с половиной тысячи человек (вместе с вооруженной челядью, которую польская шляхта всегда брала с собой в поход, силы достигали семи тысяч³⁴) и десятью пушками. В составе отряда были реестровые казаки Переяславского и Белоцерковского полков, а также польские хоругви (т. е. полки). В их задачу входил

захват Запорожья. Через некоторое время с главными силами должен выступить и сам Потоцкий.

План был хорош. Поляк знал – казаки чаще всего прибегали к обороне в лагере (в чем были очень сильны). Ему и в голову не приходило, что Хмельницкий может выйти из Запорожья и броситься в лобовую атаку. Это противоречило всей логике казацких действий. Но в этом и была сила Богдана: он не собирался оглядываться назад. Не ожидая подхода поляков, он выступил им навстречу.

Вечером 28 апреля отряд сына Потоцкого расположился в урочище Княжие Байраки (около Желтых Вод). Хмельницкий, имея около пяти тысяч казаков и пяти тысяч татар, выступил из Запорожья и 29 апреля осадил лагерь поляков. В это время второй отряд, отправленный Н. Потоцким, состоявший из реестровых казаков, на челнах подошел к Запорожью. Стронники Хмельницкого подняли среди реестровых мятеж, казнили пропольски настроенных старшин и избрали старшим Ф. Джалалию. Двенадцатого мая они подошли к Княжим Байракам, после чего реестровые казаки Белоцерковского и Переяславского полков тоже перешли на сторону восставших. Оказавшись перед лицом многократно превосходящего противника, С. Потоцкий попробовал отступать под прикрытием табора, но 16 мая казаки и татары прорвали оборону и разгромили поляков. В плен попало около трех тысяч человек, Стефан Потоцкий умер от полученных ран.

Одержав первую блестящую победу под Желтыми Водами, Хмельницкий предпринял быстрый марш, чтобы не допустить объединения Н. Потоцкого с силами Левобережных магнатов, и прежде всего – с И. Вишневецким. Правда, личное соперничество поляков играло ему на руку: Иеремия не спешил к Потоцкому, желая ослабления своих соперников.

Двадцать четвертого мая Хмельницкий уже переправился через реку Тясмин, направляясь к Корсуню. Н. Потоцкий, получив страшное известие о разгроме, пытался отступить к Белой Церкви. В его распоряжении было пять с половиной тысяч конницы и одна тысяча шестьсот пехоты (вместе с вооруженной челядью – почти четырнадцать тысяч). Однако Потоцкий задержался, позволив своим солдатам разграбить Корсунь. Утром 25 мая появилась украинская конница и татары. Хмельницкий приказал перекрыть (и даже перекопать) все дороги, отрезая тем самым путь полякам к отступлению. Потоцкий решил отступать, но в глубокой балке попал в засаду. После четырех часов страшной битвы польское войско прекратило существование. Н. Потоцкий и польный гетман М. Калиновский попали в плен.

Ф. Задорожный. Б. Хмельницкий оставляет сына Тимоша в заложники хану. XX в.

В эти же дни от приступа мочекаменной болезни умер король Владислав IV. Смерть совпала с крушением всех его надежд на союз и мир с казачеством. Речь Посполитая, еще совсем недавно казавшаяся могучей европейской державой, вдруг оказалась на грани краха. Поляков охватил такой ужас, что, как отмечал современник событий, казаки, если бы захотели, могли бы захватить Варшаву и Краков безо всякого сопротивления.

Огромный военный успех первых дней восстания стал сигналом для всеобщего выступления. К тому же Хмельницкий разослал универсалы, извещая об одержанных победах и призывая подниматься на борьбу. На территории Украины началось массовое изгнание поляков. Отряды под руководством новоявленных атаманов брали штурмом города и замки.

В этих трагических событиях погибло немало невинных. Поляки, католические ксендзы и евреи стали для крестьян олицетворением всех жестоких несправедливостей, которые обрушивались на них в последние десятилетия. Польская шляхта, не успевшая бежать, подвергалась безжалостному истреблению. По словам очевидца, «такой ужас охватил всех, что все живое бежит, утикает и едва кто сотый остается». Восставшие не щадили женщин и детей, разрушали костелы и убивали ксендзов. Не меньшим объектом мести стали евреи, они, будучи арендаторами и шинкарями, в глазах украинцев являлись исполнителями политики польских властей. Историки разнятся в оценке жертв еврейских погромов, но, в любом случае, речь шла о тысячах человек.

Восставшие крестьяне объявляли себя казаками и, расправившись с местными панами, присоединялись к армии Хмельницкого. Уже в конце мая подचाший коронный (сенаторское звание в Речи Посполитой. – *Т. Т.*) в письме к коронному канцлеру в ужасе восклицал: «...и с нашим воеводством Руським Бог знает, что станет, так как тут что ни холоп – тот казак...» и добавлял, что к войску казаков «все живое присоединяется»³⁵. В июне поляки писали: «Восстала целиком Заднепровская Украина, Киевская и Брацлавская; там не пахнут, не сеют, только ходят вооруженные...»³⁶.

За глобальными социальными изменениями в Украине со страхом и недоверием следили русские воеводы: «...а которые де их были крестьяне Потоцкого и Вишневецкого и Киселевы, и те де с ними стали в казаки ж...»³⁷. Причем все современники отмечали, что в казацкие полки стали объединяться и те, «кто никогда казачества не знал»³⁸.

Единственный, кто организовал сопротивление восставшим, был князь иеремия Вишневецкий, представитель известного украинского рода³⁹, принявший католичество. Собрав шляхту и собственных вооруженных слуг, летом 1648 года он выступил походом из Левобережья по пути Лубны – Переяслав – Чернигов – Погребыще – Староконстантинов, «огнем и мечом» уничтожая всех, заподозренных в сочувствии восставшим. Вишневецкий сотнями сажал на кол, жег и убивал. Чтобы противостоять ему, Хмельницкий отправил в Подолию и Волинь Максима Кривоноса, крестьянского вождя, отличавшегося непримиримостью и яростью по отношению к полякам (видимо, у него на то были личные причины). При участии Кривоноса восстание перекинулось на Правобережье. В июне запылали Уманщина и Брацлавщина. Были захвачены Винница, Брацлав, Немиров. 10 августа был взят Бар – резиденция коронных гетманов в Украине.

Незадолго до этого, в середине июня, Богдан прибыл в Чигирин, где ему была устроена восторженная встреча. Среди тех, кто радовался прибытию Хмельницкого, находилась и красавица Елена. Ее муж Чаплинский заблаговременно бежал из Чигирина.

Соперничество за Елену между казаком и поляком, в какой бы форме оно не выражалось, явно имело место. И теперь одним из первых шагов Хмельницкого, после одержанных им побед под Желтыми Водами и Корсунем, становится его романтический брак с Еленой.

Современники сообщали, что Хмельницкий «женился на некоей Чаплицкой (Чаплинской. – Т. Т.), шляхтянке, которая потеряла мужа в этой нынешней заварухе»⁴⁰. Под свадьбой подразумевался гражданский обряд, распространенный тогда в Украине. При этом Елена формально оставалась женой Чаплинского, с ним она была обвенчана по католическому обряду. Как мы увидим далее, церковный брак с Еленой Хмельницкий оформит позже.

Личное счастье на фоне военных триумфов – лишь внешняя сторона весьма сложной ситуации, в которой на самом деле оказался Хмельницкий. Он был в положении человека, зажегшего страшный пожар и теперь не знавший, что с ним делать. Поднимая восстание, он руководствовался прежде всего эмоциями, желанием мести и ненавистью к магнатам и их приспешникам. Совершенно по-другому относился он королю и к самой Речи Посполитой. Не сразу и не вдруг выработывался план глобальных социальных и политических перемен, в конечном счете осуществленный Богданом. Вплоть до зимы 1649 года он оставался верным подданным, желавшим лишь добиться уступок. Да и не осознавал он всей своей власти, не мог поверить в слабость Речи Посполитой.

Но самой главной бедой оказался кардинальный раскол самого украинского общества. С одной стороны – «показаченные», не желавшие никаких переговоров и рвавшиеся вперед – до конечного уничтожения «ляхов». С другой – позиция верхушки реестровых, усиленная требованиями хана приступить к переговорам и выставить Варшаве определенные условия. Но была еще и третья сила – это православная шляхта и духовенство Украины. Пожалуй, самый трагичный раскол происходит во время восстания Хмельницкого именно в этой части общества. Кто не с нами, тот против нас. Никогда раньше эта формула не звучала так актуально.

Следовало быть настоящим политическим гением, чтобы, оказавшись между трех огней, не только выжить, удержать власть, но и сплотить все передовые силы общества и повести их за собой. Именно эта сверхзадача стояла перед Хмельницким летом 1648 года. И с этой задачей он справился. Он успокоил «чернь», выступив с убедительной речью на раде. Он начал переговоры с Варшавой. Он написал Киевскому митрополиту Сильвестру Косову с просьбой о поддержке, а встретив недоверие и даже враждебность, добился союза с православной церковью, издав целый ряд универсалов, защищавших ее собственность от грабежей и посягательств «показаченных». Такие же «охранные грамоты» получили и многие монастыри.

А. Кисель. Портрет XVII в.

Воевода А. Кисель писал: «...хлопство гору берет. Чего же другого ожидать, как ни страшного бунта и начала войны с рабами?»⁴¹. И активно вел переписку с пограничными русскими воеводами, чтобы те ввели в Левобережную Украину войска в поддержку польской администрации⁴². Возможность вторжения русских было главной угрозой для Украины. Летом 1648 года Богдан предпринимает смелый дипломатический шаг. Вместо того чтобы уговаривать Алексея Михайловича не нападать на Украину, он пишет ему письмо, в котором предлагает воспользоваться «бескоролевьем» и на саблях казаков занять польский престол.

Под влиянием сообщений о победе под Желтыми Водами и Корсунью отношение к восставшим в Москве стало меняться. Способствовало этому и известие о том, что союзные с Хмельницким татары не собираются нападать на российские территории. К этому добавились домашние смуты – крестьянские восстания, они еще больше отбили у русских воевод охоту воевать с казаками.

Призывая русских на войну с Речью Посполитой, Хмельницкий не прерывал и своих переговоров с Варшавой. Трудно сказать, насколько он верил в возможность их благополучного завершения. Бои с Вишневецким оставляли мало надежд на мирный исход.

Богдан занимается сбором припасов. В конце июля он выступает на Запад. Он еще разыгрывал верного подданного, желающего мира. И даже приказал приковать Кривоноса к пушке, демонстрируя свое негативное отношение к радикально настроенным элементам. Но на самом деле, для того что сохранять контроль над шальными головами, Богдан должен был плыть по течению, не останавливаясь и не ведя никаких переговоров с поляками.

Впрочем, и вести переговоры было не с кем. Магнаты во главе с Вишневецким выступали решительно против любых уступок «черни», а те, кто высказывался за перемирие (тот же Кисель), предлагали такие условия, на которые ни за что не согласились бы «показаченные». Богдан уже начинал понимать, что компромисса и возврата к старому быть не могло. Рубикон давно уже перейден. Слишком много крови пролилось, и слишком пьянило чувство свободы.

В сентябре 1648 года происходит третье генеральное сражение, на этот раз под Пилявой. В Речи Посполитой для спасения отечества было объявлено посполитное рушение⁴³. Командующими этого ополчения назначили нерешительного Д. Заславского, известного своей ученостью Н. Остророга и запальчивого молодого А. Конецпольского. Хмельницкий прозвал их «периной», «латиной» и «детиней». Войско насчитывало сорок тысяч шляхетского ополчения, восемь тысяч немецкой пехоты. Вместе с челядью силы поляков достигали девяноста тысяч⁴⁴. В их распоряжении имелись около ста пушек и огромный обоз, насчитывавший пятьдесят тысяч возов.

Шляхта, в большинстве своем в глаза не выдавшая казаков, бахвалилась, обещала разогнать «чернь» нагайками. У Хмельницкого общая численность войска тоже достигала почти ста тысяч, но из них только чуть более половины были должным образом вооружены. Остальные – «крестьяне от плуга».

Сильной стороной казаков была их пехота, под защитой обоза не знавшая себе равной в Европе. У поляков, наоборот, славилась конница, прежде всего тяжелые гусары и легкие драгуны. Противостоять им в открытом поле казаки не могли, поэтому Хмельницкий решил сразу занять такую позицию, которая нейтрализовала бы преимущество польской конницы. Болотистая местность под Пилявой на берегу реки Иквы как раз соответствовала этим требованиям.

Лагерь поляков растянулся на восемь километров, его никто не укреплял. Единоначалие у них отсутствовало, распоряжения не выполнялись, план действий так и не был разработан. Двадцать первого сентября начались бои за переправу. На следующий день казаки укрепляли табор, а к вечеру подошел отряд татар около шести тысяч человек. Двадцать третьего сентября казакам удалось захватить переправу и оттеснить поляков к их лагерю. К вечеру в польском войске все больше проявлялись панические настроения, особенно подогретые слухом о приходе всей орды. Поздно вечером военачальники тайно покинули лагерь вместе с конницей. Попытки организовать отход ни к чему не привели. Тысячи обезумевших от ужаса людей бросали оружие и бежали куда глаза глядят. На долгие десятилетия презрительное прозвище «пилявчики» стало синонимом трусости и позора. Казакам достался весь обоз с артиллерией, огромным запасом пороха, десятки тысяч возов и прочая добыча. Путь за Запад был открыт.

Шляхта убегала за Вислу. Еще никогда в истории казакам не удавалось поставить под свой контроль столь огромную территорию. Появляется идея распространения казацкой власти не только на узкую территорию вокруг Чигиринщины, но и на все украинские территории.

На казацкой раде обсуждали дальнейшие шаги. Во многом подчиняясь мнению большинства, Хмельницкий принимает решение идти дальше, на Запад. Об этом говорил и Тугайбей: либо до полной победы, либо до устраивающего всех мира. Главной надеждой был начинавшийся элекционный сейм (сейм, на котором избирали короля. – Т. Т.). Богдан собирался

поддержать того претендента на польский престол, который изъявит готовность пойти на перемирие с Войском Запорожским.

Хмельницкий не спешил воспользоваться выигрышной ситуацией. Шестого октября войска казаков подошли ко Львову, но гетман умышленно затягивал осаду города. Многие объясняют это сентиментальными чувствами по отношению городу, где он учился и где прошла его юность. Действительно, есть свидетельства, что Богдан прослезился, слушая, какие трудности испытывает город во время осады⁴⁵. Но это не мешало ему твердо настаивать на контрибуции, а в ответ на все просьбы «отцов города» отсылать их к Тугай-бею.

Именно в обозе подо Львовом Хмельницкий через своего бывшего учителя иезуита Андрея Мокрского начинает переговоры с королевичем Казимиром, недвусмысленно высказавшись в пользу его кандидатуры на выборах короля. Правда, и другому кандидату, трансильванскому князю Юрию I Ракочи (Георгий, Дьердь, Дарий. – *Т. Т.*), Богдан давал ясные сигналы поддержки. Но венгр в разгар элекционной кампании умер.

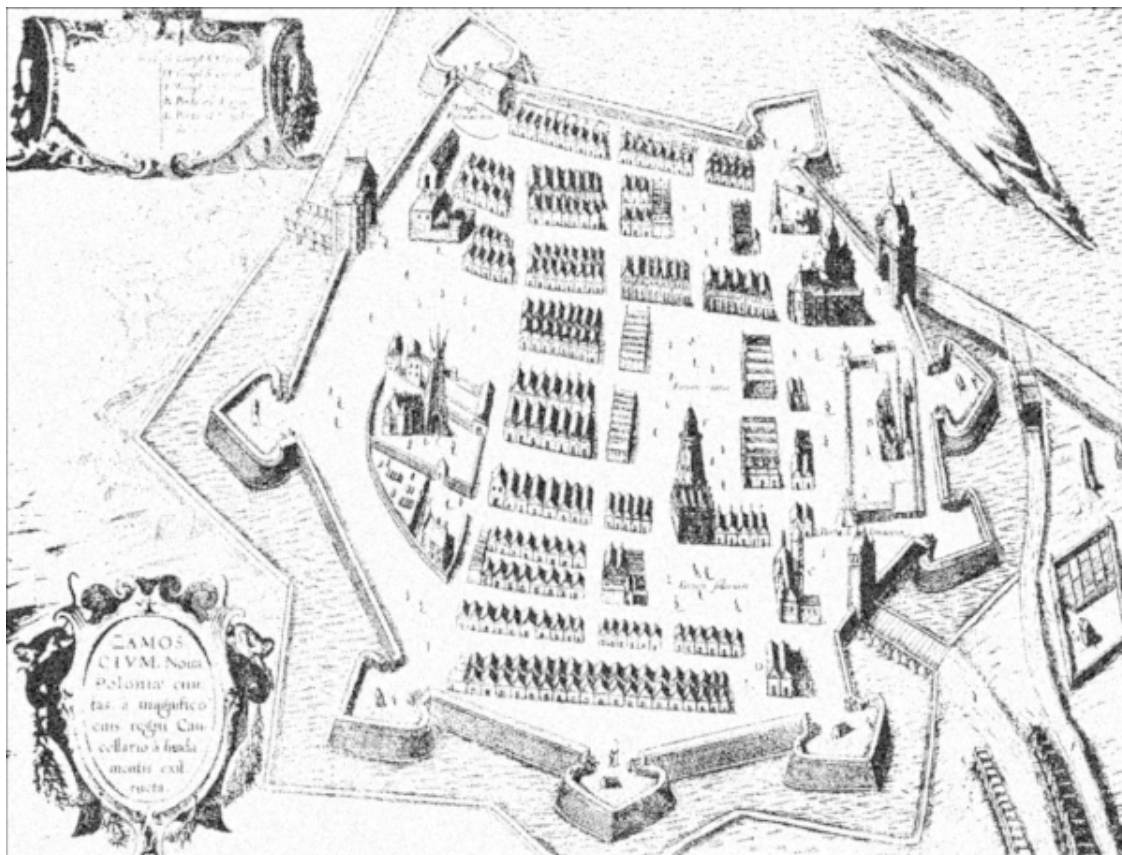
Удовлетворившись небольшим выкупом в двести двадцать тысяч злотых, Хмельницкий оставил Львов. Некоторые историки считают это серьезным промахом Богдана, недооценившего значение города как центра западно-украинских земель и не оставившего там гарнизона⁴⁶.

Между тем военные успехи по-прежнему были на стороне казаков. В октябре капитулировал гарнизон крепости Кодак – символа польского владычества над Запорожьем. Вozy захваченной в Кодаке утварью и имуществом офицеров «передали гетманше», т. е. Елене⁴⁷. Саму крепость разрушили.

В ноябре уже на польской территории Хмельницкий начинает явно безнадежную осаду прекрасно укрепленной крепости Замостье. Правда, в этой крепости укрылись многие его враги, а разосланные отряды казаков тем временем приводили к повиновению западные территории, выбивая последние гарнизоны поляков. Казацкие полки действовали в Каме-нец-Подольском, Луцком и Владимирском уездах. К осени восстание охватило Тереховлянский повет Руського воеводства, староства Галицкой земли.

Тем не менее, вместо того чтобы идти на Варшаву, как требовал Кривонос, Хмельницкий предпочтет дожидаться результатов элекционного сейма. Единственной уступкой радикальному крылу стал генеральный штурм Замостья 28 октября, в котором казаки (в основном «показаченные») понесли тяжелые потери, а генеральный обозный Чарнота (один из лидеров «радикалов») был серьезно ранен.

Продолжение военной кампании в условиях начинавшейся зимы на территории противника было бы не только рискованным, но и опрометчивым, тем более при острой нехватке коней, осадной артиллерии, боеприпасов. К этим проблемам добавилась чума. Потому-то Хмельницкий благосклонно встретил известие об избрании Яна Казимира и охотно выполнил первый приказ короля – распустить войска и отступить в Украину. Это происходит 24 ноября 1648 года. Правда, не обошлось и без инцидентов. Радикальное крыло отказывалось верить королевскому письму, обвиняло посла в измене и т. д. Богдану пришлось использовать все свое умение уговаривать толпу, чтобы успокоить всех и спасти жизнь польского посла Я. Смяровского.

Крепость Замостье. Гравюра XVII в.

Сохранились подробные описания переговоров, в которых Хмельницкий предстает любезным хозяином и верным подданным (во время обеда, каждый раз, когда пили за здоровье короля, по его приказу стреляли из пушек). Поляк передает речь гетмана: «Как предки мои самоотверженно и с пролитием крови служили королям польским, так и я, не изменяя им, с подчиненным мне рыцарством, хочу верно служить его величеству королю, моему милостивому государю, и Речи Посполитой и по приказу его королевского величества сейчас же отступлю с войском на Украину»⁴⁸. Наступает перемирие.

Казацкие войска возвращаются в Украину. В начале января 1649 года перед самым Рождеством Хмельницкий победоносно въехал в Киев. Жители древнего города устроили ему триумфальную встречу. Казаки, мещане, духовенство – все поджидали победителя. Гетманский кортеж Волынским шляхом приблизился под вечер к Киеву. Современники писали, что собрались огромные толпы людей, «весь Киев». Гостивший в Киеве иерусалимский патриарх Паисий вместе с Киевским митрополитом встретил Хмельницкого с тысячью всадников и приветствовал напыщенной речью, величая его «пресветлым государем»⁴⁹. Жители Киева приветствовали гетмана и старшину, в замке и городе стреляли из пушек. Студенты Киево-Могилянской академии встречали Хмельницкого стихами, приветственными речами и кантами, прославляя как Моисея – спасителя и избавителя от польского рабства. В самом имени «Богдан» видели хорошее предзнаменование, полагая, что он Богом дан Украине⁵⁰.

Король Ян-Казимир. Гравюра XVII в.

Небывалый триумф не мог не поразить Хмельницкого, заставить его задуматься о достигнутом, той власти и влиянии, которое он теперь имел в Украине. В декабре 1648 года от эпидемии чумы умер Максим Кривонос, и теперь у Хмельницкого не было серьезных соперников. Большое значение для формирования новых взглядов Богдана имела и встреча с Паисием. Этот греческий патриарх видел в украинском гетмане борца против засилия католической церкви. Он открыто именовал Богдана «светлейшим князем», оказывал ему всевозможные почести и предлагал помощь в переговорах с Москвой, куда направлялся патриарх.

Видимо, именно беседы с Паисием, триумфальная встреча на Украине казацких войск и, наконец, мирная передышка, позволившая осмыслить происшедшие события, кардинально меняют позицию Богдана. Он начинает понимать, что может выступать не с позиции просящего подданного, а как самовластный правитель.

Безусловно, сильным ударом, развеявшим последние иллюзии о возможности компромисса, стало коварное нарушение поляками перемирия. В Подолии и Киевском воеводстве начались расправы возвращавшихся поляков над мирными жителями, которых обвиняли в пособничестве казакам. Пленных казаков сажали на кол, не щадили ни мещан, ни крестьян. Польские и литовские войска доходили до Бара.

Польские комиссары еще не успели прибыть в Переяслав, где были назначены переговоры, а Хмельницкий уже отправил С. Мужиловского вместе с Паисием в Москву и второе посольство – к трансильванскому князю Ракочи.

Поляки были ошеломлены переменной, произошедшей с Хмельницким. На переговорах он впервые назвал себя «единовладцем и самодержцем русским», заявив: «Теперь достаточно земли в княжестве моем по Львов, Холм и Галич». Совершенно неожиданно для польских послов Богдан предстал не послушным вассалом короля, а главой независимой державы.

Комиссары оставили злые и негодующие записки о своих переговорах с Хмельницким. Они называли его «зверем», обвиняли в пьянстве⁵¹. У них не укладывалось в голове, что трезвый казак мог вести себя таким образом. Богдан отклонил статьи договора, значительно превосходившие его собственные требования еще лета 1648 года. Он прямо сказал, что теперь уже поздно договариваться: «Теперь уже нет времени, уже доказал, о чем никогда и не мыслил, докажу и дальше, что надумаю: выбью с ляшской неволи народ весь украинский»⁵². А на предложение включить в реестр десять – двенадцать тысяч казаков, отрезал: «Зачем их так мало писать, когда их может быть сто тысяч. Столько их будет, сколько я захочу»⁵³. А. Кисель, православный деятель либерального толка, оказался на этих переговорах очень далеким от идей, уже овладевших Украиной. Единственное, чего смогли добиться оскорбленные комиссары, это заключение перемирия и установления разделительной линии между казацкой Украиной и Речью Посполитой: на Волини по реке Горынь и на Подолии по Каменецу-Подольск⁵⁴.

Любопытно, что Богдан, прекрасно знавший польский и латынь, нарочно говорил с комиссарами по-украински. Что это было? Опьянение свободой и властью или нарочитая игра на устрашение? Очевидно одно: Хмельницкий больше не тешил себя иллюзиями о возможном мирном разрешении конфликта. Он собирал армию, искал новых союзников.

Большие изменения произошли и в личной жизни Богдана. Патриарх Паисий обвенчал его с Чаплинской, «заочно, так как она была в то время в Чигирине». Почему бракосочетание состоялось в такой спешке? Вероятно, на это, в первую очередь, настоял Паисий, желавший превратить Хмельницкого в лидера православного движения, чей нравственный облик должен был соответствовать этому высокому призванию. Отказ Киевского митрополита венчать Богдана и необходимость скорейшего отъезда Паисия в Москву, видимо, не позволяли ждать, когда невеста приедет из Чигирина.

Этот брак породил еще одну семейную проблему: старший сын Богдана Тимош явно был настроен враждебно к мачехе. Весть о законном браке Богдана стала неожиданным и весьма неприятным сюрпризом для молодого человека. Паисий послал в Чигирин своего монаха, передав с ним для Елены «разрешение грехов» и акт бракосочетания... Его посланец, монах, был дурно принят. Сын Хмельницкого Тимош, сущий разбойник, напоив его водкой, спалил ему бороду»⁵⁵. Факт этот тем более интересен, что именно Тимош стал в дальнейшем виновником гибели Елены.

В условиях тревожного перемирия и сохранения казацкого контроля над огромными территориями Левобережной и Правобережной Украины актуальной становилась задача формирования новой системы власти. Именно в этот период создаются основы государственного устройства, получившего в научной литературе название Украинское гетманство. Созданное Б. Хмельницким и его соратниками казацкое государство из-за особенностей внутренней и внешней ситуации, в которой оказалась Украина, представляло собой военизированное образование. При его формировании сотенно-полковая система казацкой армии была механически перенесена на административно-территориальную. В принципе, формирование полков по административному принципу было введено еще в реестровом казачестве, а в 1649 году просто получило свое логическое завершение. На Правобережье появляются Чигиринский, Черкасский, Корсунский, Лисянский, Белоцерковский, Паволоцкий, Уманский, Кальницкий, Каневский, Брацлавский полки. На Левобережье – Переяславский, Нежинский, Черниговский, Прилуцкий, Лубенский, ирклеевский, Миргородский, Кропивенский, Гадячский, Полтавский и Зеньковский.

В Украинском гетманстве все политические институты власти выросли из аналогичных военных, а высшие и средние казацкие чины составили соответственно верхушку и привилегированную часть новой социальной структуры общества. Гетман из командующего реестровыми казаками превратился в лидера государства, писарь из секретаря – в канцлера и т. д. Войсковая рада все больше играла роль парламента, решавшего все основополагающие вопросы существования Украинского гетманства.

В конце апреля 1649 года тайная рада приняла решение о начале мобилизации распущенной по домам армии. Речь шла уже об огромной силе. Как писал летописец, «Усе, що живо, піднялося в козацтво». К июню сторонники Хмельницкого, по его собственным словам, насчитывали триста шестьдесят тысяч⁵⁶ человек⁵⁷. Ранее было направлено посольство в Крым с просьбой о присылке военной помощи. Тогда же в Чигирин прибыла первая русская делегация во главе с Г. Унковским. Речь шла уже о возможном принятии гетманом «высокой руки» царя.

На переговорах с русскими Хмельницкий объявил, что не считает себя подданным короля(!), они-де крест целовали Владиславу IV, а он умер: «Короля мы не обирали и не короновали и креста ему не целовали... и мы волею Божиею тем от них (поляков. – Т. Т.) стали свободны»⁵⁸. На вопрос, какие задачи он ставит в грядущей войне, Хмельницкий отвечал, что хочет, чтобы поляки уступили ему Украину и Белоруссию по границам, «как владели благочестивые великие князи»⁵⁹. Понятия очень расплывчатые, но крайне знаменательные.

Стороны ограничились первым знакомством, но царь через Унковского пообещал не предоставлять полякам военной помощи и объявил о разрешении украинским купцам беспрепятственно торговать на территории Московского государства. Вскоре в Москву направилось очередное посольство, на этот раз во главе с полковником Ф. Вешняком.

Однако эти переговоры 1649 года не означали, что Хмельницкий выбрал курс на Москву. Не менее активно гетман добивался союза и с Трансильванией, при этом не собираясь порывать с Крымом. И вообще, он искал такую политическую комбинацию, при которой вассалитет к «далекому» суверену был бы как можно более номинальным, а автономия казацких областей – как можно более полной.

Гетман Б. Хмельницкий. Портрет XVII в.

В Варшаве от шпионов знали о переговорах Хмельницкого с русскими и с трансильванцами. В свою очередь, В. Кисель написал в Москву, убеждая русских прислать на помощь полякам войска. Богдан узнал об этом и очень сердился. Когда к нему прибыл польский посол Смяровский, он в гневе бросил королевскую грамоту через стол своему писарю, и та упала на пол. Кроме того, до него постоянно доходили известия о нарушениях перемирия на Подолии, где поляки предпринимали военные действия против казацких полков.

Кисель, видимо, считая невозможным договориться с гетманом, посылал секретные письма, подстрекая казацких полковников к бунту против Богдана. В таком направлении действовал и посланник Киселя – Смяровский, находившийся при гетмане в Чигирине. Он пробовал даже отравить гетмана. Когда открылась правда о действиях «резидента», у него был проведен обыск и в шкатулке нашли пятьдесят грамот на пожалования без вписанных имен. Старшина бросилась на него и зарубила саблями⁶⁰. Сам Богдан был страшно разозлен коварными действиями поляков. Иезуитский монах отец иероним Ласка, находившийся в Чигирине в тот момент, писал: «Все послы наши взяты к пушкам. Из челяди, которая была при конях, одних убили, других утопили. Моему товарищу пану Залесскому... досталось... булавой от гетмана, а напоследок били его обухами и потащили в посольский постоялый двор». Только заступничество молодой жены Хмельницкого («самой пани») спасло Ласка⁶¹.

После расправы над Смяровским Богдан уехал в войско и выступил из-под Умани в поход. Вскоре к нему присоединилась белгородская орда, а затем и сам хан ислам-Гирей с сорокатысячной ордой. На совещании было решено наступать на Збараж, куда отступила армия иеремии Вишневецкого. Началась почти месячная осада Збаража.

Королева Мария Людовика. Гравюра XVII в.

В это же время против литовской армии Богдан выслал подольского полковника Станислава Кричевского (своего кума, перешедшего на сторону восставших).

Ситуация стала складываться не в пользу Богдана. Небольшая армия Вишневецкого, воодушевленная своим фанатичным вождем, оказывала в маленьком Збараже ожесточенное сопротивление. Татары, непривычные к штурмам, несли большие потери, хан злился. На выручку Вишневецкому двинулся сам новый польский король Ян Казимир. Этот король, брат покойного Владислава IV, оказался неудачным выбором для казаков. Фанатичный католик, он до вступления своего на польский престол не только был монахом, но и носил звание кардинала. Для вступления на престол он получил личное разрешение папы снять с себя сан, после чего женился на вдове своего брата Владислава IV Марии Людовике. После неудачи мирных переговоров с Хмельницким Ян Казимир посчитал своей обязанностью покарать тех, кто восстал против католической церкви. Перед походом он получил благословение папского нунция Джованни де Торреса, освятившего ему меч и хоругвь.

В конце июля стало известно, что полк Кричевского был разгромлен великим литовским гетманом Я. Радзивиллом, а сам полковник попал в плен и вскоре скончался от ран. По требованию хана казаки предприняли генеральный штурм Збаража, но он был отбит. Между тем

король Ян Казимир издал указ, согласно которому назначал казацким гетманом Семена Забуского и отстранял Хмельницкого. Кроме того, за голову Богдана была объявлена награда в десять тысяч злотых.

На самом деле это была нешуточная угроза. В истории казацких восстаний не раз бывали случаи, когда «чернь» выдавала вождей и заключала договор с поляками.

Хмельницкий с отрядом в сорок тысяч казаков и двадцать тысяч татар вместе с ханом вышел из табора под Збаражем и двинулся навстречу королю. Расположившись 14 августа под Зборовом, Ян Казимир начал переправу. В его распоряжении имелась двадцатитысячная армия, достигавшая вместе с челядью тридцати пяти тысяч человек⁶². Не догадываясь о приближении Хмельницкого с татарами, король выступил 15 августа к переправе. Поляк-современник сообщал, что Богдан лично выехал на разведку под Зборов, залез на высокий дуб и следил за переправой, подсчитав силы поляков и осмотрев поле боя⁶³.

Король был атакован казацкой конницей. Попытки дать отпор успеха не имели, началась паника, и поляки бежали к Зборову. Ян Казимир метался по лагерю, кричал, чтобы его не бросали, иначе погубят отечество. Но когда победа была в уже полушаге от казаков, битва остановилась, так как хан ислам-Гирей начал переговоры с поляками. Это не позволило казакам победоносно завершить сражение.

Скорее всего, хан не желал допустить падения королевской власти и чрезмерного усиления гетмана. Хмельницкий со своей стороны опасался, что сепаратный мир будет заключен в ущерб украинских интересов и тоже начал переговоры.

Несмотря на неблагоприятные для казаков обстоятельства, Зборовский договор, заключенный 18 августа 1649 года, стал де-факто признанием нового государства – Украинского гетманства, с полной автономией казацкой территории в составе Киевского, Черниговского и Брацлавского воеводств, с официальной столицей в Чигирине и лишь номинальным подчинением короне. Польские войска не имели права располагаться на этих территориях. В областях Войска Запорожского привилегированное положение занимала православная религия, все должности в трех воеводствах могли получать только представители православной шляхты. Киевский митрополит получал право заседать в сенате и напрямую ставился вопрос о ликвидации унии. Иезуиты лишались права находиться в городах Украины, где имелись православные школы. В Украинское гетманство не допускались евреи. Страна делилась на шестнадцать полков, причем старшина в условиях де-факто ликвидации польской администрации получала не только военную власть, но и права высших гражданских чиновников. По условиям Зборовского договора реестр казаков был увеличен до небывалых размеров – сорок тысяч человек.

Магнат и польская шляхта. Рисунок XVIII в.

Заклучение договора проходило в очень непростых для Хмельницкого условиях. По сути дела, он вынужден был соглашаться на то, о чем уже договорились хан с королем. Но даже в этих обстоятельствах он сумел сохранить достоинство, собственную власть и настоять на наиболее приемлемых условиях.

После того, как поляки прислали заложников, он и его сын Тимоша, роскошно одетые, верхом на белых арабских богато убранных лошадях в сопровождении ста казаков личной охраны прибыли к королю. Их сопровождал Адам Кисель в карете. Магнат напрасно уговаривал Богдана скакать не спереди, а сзади кареты согласно этикету.

Ян Казимир, изображая добродушного отца, сказал: «Хватит тебе уже быть нашим неприятелем, мы тебе даем нашу милость и все вины тебе и всему Войску Запорожскому отпускаем, а тебе приличествует нам и Речи Посполитой отплатить услугами своими»⁶⁴. На эти речи Хмельницкий, как заметил современник, не вдаваясь в дипломатические любезности, с которыми он был, безусловно, знаком, лишь кратко отвечал: «Верно, король, говоришь!»⁶⁵.

Принимая Зборовский договор, стороны не питали особых иллюзий. Для Яна Казимира это был счастливый исход из катастрофической ситуации, для Хмельницкого – не худший компромисс в условиях измены хана. Поляки не возвращали имущество православных церквей, а паны спешили в свои имения, чем вызывали яростный протест оставшихся вне реестра «показаченных». Король называл Хмельницкого «заклятым врагом Речи Посполитой, который поклялся ее погубить»⁶⁶.

Исполнение статей Зборовского договора проходило непросто. Обе стороны не были готовы к новым реалиям. Многие казаки были недовольны границами, не желая отдавать полякам такие города, как Острог, Бар и др.

Но главная проблема была с тысячами «показаченных», которые явно не укладывались в рамки сорокатысячного реестра. Во многих поветах Подольского воеводства доходило до вооруженного сопротивления. Другие тысячами переселялись на территорию Украинского гетманства. Многие по решению старшинской рады остались при реестровых в качестве обозных и слуг.

Зборовский договор наглядно показал, что внутри самого казачества имелись совершенно разные представления об идеалах «казацкой вольности». Богдан и его единомышленники стремились к созданию жесткой административной системы нового государства. Для «показаченных» и ряда «вольных атаманов» Украинское гетманство представлялось ограничением вольностей и изменой казацкому делу. Эти настроения становились объективным тормозом на пути развития украинской государственности.

Таким образом, уже через год после начала восстания Богдан оказался в плену у собственных достижений. Освободившиеся благодаря ему массы, те самые «загоны» (загоны – отряды вольных казаков. – *Т. Т.*), принесшие ему славу и власть, теперь грозили превратиться в серьезное противодействие его государственным планам.

Перед Богданом стояла дилемма: или добиваться исполнения условий Зборовского договора и оттолкнуть от себя «показаченных», или сознательно идти на новый конфликт с польскими властями. События под Зборовом, назначение Забуского гетманом, вероятно, убедили его, что при первой возможности польские власти поспешат с ним расправиться, видя в нем своего главного и самого опасного врага. Поэтому, видя именно в «показаченных» свою опору, Хмельницкий довольствовался изданием грозных универсалов, иногда казнил отдельных повстанцев, но избегал прибегать к массовым репрессиям⁶⁷. Гетман понимал неизбежность новой войны, в которой ему снова понадобилась бы огромная армия. В результате Ян Казимир констатировал, что «выписчики и реестровые казаки имели равные свободы»⁶⁸.

Даже из сложностей Богдан умел извлекать для себя выгоду. В октябре 1649 года он распорядился о составлении реестра. В него были включены все лучшие, самые опытные и испытанные за время восстания старшины и казаки. Одновременно эта старшина становилась новой администрацией казацкого края.

В декабре произошли события, не оставлявшие сомнений в планах поляков. Ян Казимир вручил булаву коронного гетмана (т. е. командующего польской, коронной армией) заклятому врагу казачества иеремии Вишневецкому, а вслед за этим во время встречи с Киевским митрополитом Семеном Косовым отверг требование о ликвидации унии. Вскоре вернулись в Польшу выкупленные из плена польские гетманы Николай Потоцкий и Мартин Калиновский. Первому вернули звание великого коронного гетмана, и он приступил к своим обязанностям, пылая

жаждой мщения. Потоцкий возглавил популярную среди польской верхушки партию войны и стал добиваться выведения казацких войск из Брацлавщины, что противоречило условиям Зборовского договора⁶⁹.

В январе 1650 года сейм утвердил Зборовский договор, и это стало сигналом к массовому возвращению поляков в Украину. Практически сразу же на Запорожье началось восстание низов, возглавленных Худолеем. Восставшие обвиняли Хмельницкого в измене. В этих условиях в марте Богдан собрал старшинскую раду, которая обсуждала шаги по исполнению Зборовского договора. Было решено разрешить возвращение только православной шляхты, а также запретить сбор подымного и иных налогов с крестьян.

Несмотря на все эти тревоги и проблемы «мирного года», он был самым счастливым в жизни Богдана. Тимош Хмельницкий руководил строительными работами в Субботове, превратившемся в укрепленную усадьбу гетмана, тогда как Чигирин стал его официальной столицей.

Все недолгие свободные дни Хмельницкий проводил в Субботове, где к тому же имелись пасеки, на которых гетман любил «гулять». Богдан очень любил черемуху, и шесть этих деревьев росло под окнами дома. Иностранцы отмечали простоту домашнего уклада гетмана, не желавшего отрываться от своих корней.

Воспользовавшись военной передышкой, полученной по Зборовскому договору, Хмельницкий занялся укреплением внешнеполитического авторитета и влияния Украинского гетманства. Он ведет усиленные переговоры с Москвой, Трансильванией, Молдавией, Валахией, Османской империей и Крымом.

Человек, контролировавший огромную территорию Киевского, Брацлавского и Черниговского воеводств, располагавший армией, превышавшей сто тысяч человек, автоматически превращался в крупную фигуру европейской политики. Но с другой стороны, имея в основе своего успеха союз с Крымом, он становился заложником этого альянса.

Польское правительство решило использовать казаков против Москвы в совместном с татарами походе. В свою очередь, хан требовал тысячу казаков для похода на Кавказ. Эти планы крайне встревожили донских казаков, и они прислали к гетману свои делегации. В Варшаву прибыли русские послы, обвинившие польскую сторону в нарушении написания титулов царя в официальных польских грамотах. Русские требовали казнить Потоцкого с Вишневецким, а также претендовали на Смоленск, Стародуб и Могилев. Поляки были потрясены такой переменой в позиции царя⁷⁰. С большим трудом им удалось в июле добиться подтверждения условий Поляновского мирного договора⁷¹.

В июне 1650 года в Чигирин прибыл венецианский посол Альберто Вимина, он пытался уговорить казаков принять участие в войне с Османской империей. Вимина оставил интересные описания жизни чигиринского двора. Про Хмельницкого он писал: «Роста он скорее высокого, нежели среднего, широк в кости и крепкого сложения. Речь его и способ управления показывают, что он обладает зрелым суждением и проницательным умом. Хотя и случается, что он чрезмерно предается напиткам, но тем не менее он не оставляет заботы о делах... В обращении он мягок и прост, чем привлекает к себе любовь воинов, но, с другой стороны, он держит их в дисциплине строгими взысканиями. Всем, кто входит в его комнату, он пожимает руку и всех просит садиться, если они казаки». Венецианца поражала простота обстановки гетманского дома. «В этой комнате нет никакой роскоши, стены лишены всяких украшений, за исключением мест для сидения. В комнате находятся лишь грубые деревянные лавки, покрытые кожаными подушками... Стол отличается не большей роскошью, чем прочая сервировка и утварь, ибо едят без салфеток и не видно другого серебра, кроме ложек и бокалов... Однако гетманский стол не скуден добрыми и вкусными яствами и обычными в стране напитками: водкой, пивом, медом. Вино, которым мало запасаются и редко пьют, подается к столу лишь

в присутствии важных иноземцев. Как я имел случай убедиться, за столом и при выпивке нет недостатка в веселости и остроумных выходках»⁷².

Весьма интересно, что «прекрасная Елена» участвовала в официальных дипломатических приемах. В частности, Вими́на упоминает следующий эпизод: «Хмельницкий произнес за столом некий тост, адресуя его к жене, понизив при этом голос, чтобы сидящие поодаль не услышали, а меня он в расчет не принял, думая, что я не понимаю его языка. „За здоровье великого короля!“ – слова вполне ясные, в которых звучит презренье. Жена отвернула взгляд и надулась, он же усмехнулся и выпил свой бокал»⁷³.

Летом 1650 года хан решает предпринять поход на российские территории и вынуждал Богдана принять в этом участие. Хмельницкий находился в крайне тяжелой ситуации, так как и отказать он не мог, и поссориться с Москвой не хотел. Судьба избавила его от тяжелого выбора. Потоцкий арестовал нескольких сотников в Брацлавском полку, Хмельницкий вмешался, начались ссоры, выяснения отношений. Поход был сорван. Чтобы не возвращаться без добычи, калга-султан решил напасть на соседнюю Молдавию, господарь которой Василий Лупу занимал в 1648–1649 годах пропольскую позицию.

Богдан решает принять участие в этом походе. Формально это было сделано по требованию хана. Но на самом деле это был уже не только акт своеволия по отношению к польскому королю, но и первый пример вмешательства в дела соседнего государства.

Официально казаки мстили за лояльное отношение молдаван к полякам и поддержку их в войне с гетманом. Для Богдана быстрый, успешный поход был прекрасной возможностью отвлечь казаков и особенно «показаченных», бунты которых постоянно вспыхивали в различных регионах Украинского гетманства. В условиях, когда поляки неприкрыто готовились к войне (канцлер Ежи Оссолинский – один из немногих в Варшаве сторонников мира с казаками к тому времени умер), Хмельницкому необходимо было сохранить свою армию. В результате в этой быстрой и внезапной операции помимо татар приняли участие около пятидесяти тысяч казаков, и в конце августа казачьи полки под руководством полковника Данилы Нечая захватили столицу Молдавии Яссы.

При этом Богдан преследовал и династические планы. Посылая казачьи войска на Яссы, он добивался от молдавского господаря Лупу согласия на брак его дочери Розанды со своим старшим сыном Тимофеем. Таким образом он рассчитывал заручиться влиянием в этом регионе. В казачьей думе, написанной в этот период, подчеркивалось: «Так-то Хмельницкий хорошо сделал: Польшу победил, Волощину засмутил, Гетьманщину взвселил».

Поляки были взбешены молдавским походом. Они добивались от Богдана, чтобы он выслал несколько полков для подавления восстаний крестьян. В ответ в середине сентября он распорядился вписать в реестр часть «выписчиков», причем из Подольского воеводства, которое, согласно условиям Зборовского договора, не входило в состав Украинского гетманства⁷⁴.

Продолжал он принимать и русские посольства, что тоже возмущало поляков. Так, осенью 1650 года прибыл В. Унковский, в своих пространных речах он объяснял отказ царя оказать военную помощь казакам существующим Вечным миром с Речью Посполитой. Хмельницкий в ответ рассказывал, что не пошел с татарами в поход на «московские города», и обещал в будущем также удерживать татар от таких планов⁷⁵. Унковский ничего не обещал, но зато щедро раздавал подарки, в том числе передал «гетманове жене» пару соболей⁷⁶.

Царя крайне беспокоило появление в Украине самозванца Т. Анкундинова⁷⁷, объявившего себя внуком Василия Шуйского. Унковский уговаривал Богдана выдать самозванца, но тот, сославшись на казачий обычай, отказал.

Надо сказать, что Богдан был крайне рассержен на Москву за отказ в военной помощи. Сердили его и постоянные приезды русских лазутчиков. Но когда в ноябре прибыл московский архидьякон А. Суханов с Назаретским митрополитом, которые привезли письмо патри-

арха Паисия с просьбой выдать Анкундинова, Хмельницкий все-таки издал универсал, запрещающий самозванцу жить на территории Украины.

А. Суханов в своем донесении описывал обед у Хмельницкого, данный в честь посетившего Чигирин Коринфского митрополита: «Гетман велел сести всем за столом: по конец стола сел митрополит Коринфский, с левой руки у митр(ополита) сидела жена гетманская, в лавке сидел митрополит Назаретский (живший в Субботове), а против его сидел гетман в креслах; подле митрополита сидел в лавке строитель Арсений, а против его в скамье сидел посланец князя Доминика Григорей Заруцкой»⁷⁸.

Понимая, что отношения с поляками накалены до предела и желая какой-то ясности в ситуации, Богдан направил на сейм депутацию с «Прошением», которое в том числе предусматривало ликвидацию унии и возвращение всего имущества православной церкви.

В ноябре 1650 года состоялась старшинская рада, обговорившая вопросы укрепления обороны и начала мобилизации. Ситуация накалялась. Сейм отклонил «Прошение», послы Лупу приехали с сообщением о перенесении даты свадьбы на более поздний период. Поляки выслали послов к императору Фердинанду III с просьбой предоставить военную помощь против Хмельницкого. В конце года король дал распоряжение своим гетманам в течение шести недель разгромить казаков.

То, что должно было произойти, свершилось. В феврале 1651 года, нарушив Зборовский договор, польские войска под командованием М. Калиновского и С. Лянцкорунского вторглись в Брацлавщину. Они сумели незамеченными перейти «линию», разделявшую казацкую и польскую территории согласно Зборовскому договору, и напали на мирные украинские местечки. Знаменитый Брацлавский полковник Д. Нечай оказался не готовым к военным действиям. Он слишком легкомысленно отнесся ко всем предупреждениям Хмельницкого. Возможно, годы сравнительно легких побед ослабили его бдительность. В результате Нечай погиб при обороне местечка Красное. После упорной обороны местечко было сожжено поляками, а все жители, включая женщин и детей, убиты.

После неожиданной и нелепой гибели любимого полковника жителями Брацлавщины овладел ужас. Поляки устроили настоящий террор, огнем и мечом проходя через непокорную территорию. Единственным способным организовать отпор оказался Иван Богун – один из самых знаменитых полководцев Украины периода Украинского гетманства. Ему удалось нанести психологический удар полякам. Сымитировав паническое бегство передового отряда, выставленного на льду Буга перед Винницей, Богун заманил поляков в прорубленные им заранее полыньи. Десятки солдат погибли, их командир едва выбрался из проруби⁷⁹. Вся уверенность поляков в своих силах после победоносного похода куда-то улетучилась, а казаки, наоборот, воспрянули духом.

На фоне вяло текущих военных действий обе стороны готовились к генеральному сражению.

К тому же у Богдана начались домашние неприятности. Отношения его старшего сына Тимоша с мачехой давно не складывались. А теперь, возможно, на фоне неясной перспективы женитьбы на молдавской княжне резко обостряются его отношения и с отцом. Поляк, бывший в Чигирине зимой 1651 года, писал, что Богдан приказал привязать Тимоша «к пушке и крепко бить, пока тот не поклялся ему, что будет хорошим, степенным и только тогда приказал отвязать его»⁸⁰.

Вероятно, Елена и ее все возраставшее влияние при чигиринском дворе играли не последнюю роль в обострении отношений между Хмельницкими. Что в конечном счете толкнуло Тимоша на убийство мачехи – ненависть к ней, ревность или желание досадить отцу, – мы уже никогда не узнаем. Однако его роковая роль в судьбе чигиринской красавицы бесспорна.

Трагедия случилась в момент, когда Богдан находился в таборе, готовясь к генеральному сражению весенней кампании 1651 года. Елену обвинили то ли в супружеской неверности, то ли в контактах с Чаплинским (были перехвачены какие-то его письма к ней⁸¹). Обо всем этом из Чигирина Богдану написал Тимош. Хмельницкий, поддавшись приступу ярости (они с ним случались), приказал повесить жену⁸². Поляки-современники считали, что произошло это из-за подстрекательства Тимоша⁸³. Но когда к Хмельницкому пришла весть, «что не стало жены ево», «гетман зело был кручинен» и «впал в тоску». Такая реакция, безусловно, подтверждает, что Богдан был действительно влюблен в Елену. Тяжесть утраты была велика, и чтобы забыться Хмельницкий постоянно пил горькую на протяжении всего похода вплоть до самой битвы под Берестечко. Польские источники утверждали, что когда к казакам прибыл для соединения хан, Богдан лежал мертвецки пьяный и именно этот факт якобы сыграл свою негативную роль в отношении ислам-Гирея к походу вообще и к Хмельницкому в частности⁸⁴.

Тимош, прекрасно зная характер отца, избавился от ненавистной мачехи. А поляки, возможно, подстроившие всю эту ситуацию, были в восторге и открыто смеялись над горем своего врага. Так, имеются свидетельства, что историю гибели чигиринской красавицы, со множеством неприличных подробностей и злословия, рассказывал шляхтичам сам король Ян Казимир, «весьма потешаясь этим происшествием»⁸⁵.

Князь Януш Радзивилл. Портрет XVII в.

Как бы там ни было, Богдан очень любил Елену, и эта страшная трагедия на некоторое время деморализовала его. К тому же он потерял драгоценное время, ожидая подхода хана. Только в конце июня казацкие войска подошли к Берестечко. В распоряжении Хмельницкого имелось более ста тысяч казаков, но из них не более половины составляли опытные и соответствующим образом вооруженные. У хана ислам-Гирея было около сорока тысяч.

В разгар сражения татары отступили и захватили с собой пытавшего их остановить Хмельницкого. Вместе со своим верным помощником, генеральным писарем и. Выговским он более десяти дней находился в плену у своих бывших союзников, и дальнейшие события битвы разворачивались уже без них.

В ночь на 10 июля во время очередной вылазки в казацком таборе началась паника, спровоцированная «показаченными». Они кричали, что старшины их бросили. Люди начали беспорядочно отступать через болото, построенные на нем плотины проломились, и множество казаков утонуло.

Страшные дни плена, когда имелась реальная угроза быть выданным польскому королю, не прошли для Хмельницкого даром. У него было время продумать свои дальнейшие шаги. Вероятно, он вспоминал прошлое, анализировал настоящее. В любом случае, он вырвался от татар полный энергии и жизненных сил. Правда, он еще не мог представить себе весь масштаб случившихся бед.

Поляк-современник описывал встречу Богдана с полковником Хмелецким. «А табор где?» – «Уже у дьявола табор! Бежали мы с табора». – «Почему?» – «Молодцы биться не захотели». – «А как же хоругви?» – «И хоругви пропали». – «А пушки?» – «И пушка». – «А шкапулка с золотыми червонцами?» – «Про нее не знаю»⁸⁶.

Неприятности сыпались со всех сторон. Хмельницкий не успел вернуться из плена, как пришло известие о вторжении литовского гетмана Я. Радзивилла в Черниговщину. Литовцы разгромили казацкий полк М. Небабы, который погиб, и 6 августа захватили Киев. Киевский митрополит Косов и архимандрит Киево-Печерской лавры заняли предательскую позицию, пригласив Радзивилла в Киев и устроив ему торжественную встречу. Но их надежды остаться в стороне от борьбы рухнули. Литовские солдаты начали грабить не только мещан, но также киевские церкви и монастыри.

Катастрофическое положение ухудшало то, что казацкие полки после Берестечко были рассеяны. Однако многими овладело ожесточение и стремление скорее погибнуть, нежели покориться наступающим полякам. Полковнику Ивану Богуну удалось организовать сопротивление на Брацлавщине, формируя полки и направляя их к Хмельницкому⁸⁷. Массовым антипольским восстаниям придавали особый импульс универсалы Хмельницкого, рассылаемые им по всей Украине.

Пожалуй, наиболее сильной стороной Богдана было его умение владеть собой в самых тяжелых ситуациях. И именно так он проявил себя осенью 1651 года. А еще назло судьбе Хмельницкий в третий раз женился. Это было своеобразным символом того, что жизнь продолжается. Его супругой стала Ганна Золоторенко, сестра состоятельных братьев-мещан из Нежина и вдова полковника Пилипа. Видимо, это была умная зрелая женщина, она смогла стать подругой великого гетмана, поддержать и утешить его.

Оказавшись в критической ситуации, Богдан отправил посольство в Москву для ведения переговоров о принятии протекции царя. Но в августе случились и благоприятные для Хмельницкого события. Во-первых, от дизентерии умер фанатичный враг казаков иеремия Вишневецкий. А во-вторых, на помощь Богдану прибыл первый отряд татар Карач-бея.

Основные силы Богдана собрались под Белой Церковью. Укрепленный казацкий табор представлял собой мощную крепость, к которой подошла объединенная польско-литовская

армия. Как признавал сам коронный гетман Н. Потоцкий, «добыть их табор было невозможно»⁸⁸. Силы казаков уже насчитывали около сорока тысяч.

Брацлавщина была в огне, на Черниговщине успешно действовал С. Подобайла, захвативший Любеч. В условиях начавшегося в Польше крестьянского восстания под руководством Костки Напирского⁸⁹, Яну Казимиру пришлось пойти на подписание нового Белоцерковского договора. Поляк-современник писал: «Вследствие того что враги успели собрать значительные силы и получить помощь от татар, наше войско, углубившись в страну, столь отдаленную, очутилось как бы в осаде. Враги захватили все дороги и пути сообщения, прервали все сношения, беспокоили наших частыми стычками и произвели в войске нестерпимый голод, не допуская в лагерь подвоза припасов. Хлопы в селах и местечках везде насмехались над нашими, восклицая: «Ляхи отрезали нас от Днепра, а мы их от Вислы!»⁹⁰.

Но поляки еще храбрились, требовали выдать Хмельницкого и капитулировать. Переговоры с польскими комиссарами во главе со стольником галицким С. Маховским шли трудно. Полякам пришлось признать Богдана гетманом, но он отказывался разорвать союз с ордой, на чем настаивали комиссары. Бунты черни, не соглашавшейся принять условия поляков, вынудили Богдана настаивать на Зборовском договоре. В ответ поляки прервали переговоры и начали наступление на Белую Церковь. Дошло до военного столкновения, правда, не слишком кровопролитного. После этого переговоры возобновились.

Белоцерковский мирный договор был подписан 18 сентября 1651 года. По этому соглашению территория Украинского гетманства сократилась до размеров Киевского воеводства, реестр сокращался вдвое – до двадцати тысяч человек. Однако гетманская власть хоть и в урезанном виде, но сохранялась, что давало основания надеяться на ее расширение в недалеком будущем. После заключения договора казацкие войска были распущены.

Условия Белоцерковского договора внедрялись в жизнь еще сложнее, чем Зборовского. Хмельницкий издал универсал, чтобы казаки, желающие попасть в реестр, отправлялись в Киевское воеводство. Казаки Брацлавского, Кальницкого и Уманского полков сопротивлялись расформированию. Население Черниговского воеводства в массовом порядке переселялись в Мигрородский, Полтавский и другие поветы, остававшиеся под казацким контролем.

Во многом повторялась ситуация Зборовского договора, с той лишь разницей, что на этот раз гнев изливался не только на поляков, но и на самого гетмана. Толпы недовольных готовы были приходиться даже под Чигирин. Пошатнувшийся авторитет гетмана нашел отражение и в думе того времени:

Эй чи гаразд, чи добре наш гетман Хмельницький учинив,
Що з ляхами, з мостивими панамі, у Білій Церкві замирив?
Да велів ляхам, мостивим панам, по казаках,
по мужиках стацією стояти...

Поляки рвались в Брацлавщину. Возвращавшиеся на Украину польские паны пытались возобновить все повинности, имевшие место до восстания. Кроме того, жители облагались постоянными поборами на содержание польской армии, расквартировавшейся на Брацлавщине. Хмельницкий сдерживал поляков как мог. На самом деле никто не собирался долго сохранять мир. В конце ноября Богдан уже открыто обращался к мешанам и крестьянам Брацлавского воеводства с просьбой терпеливо переносить «неволю», из которой он их освободит весной⁹¹.

Осенью 1651 года Богдан возобновил дипломатическую активность. Он контактировал с русскими, намекая на возможность принятия протектората царя, и в те же дни писал к султану, прося ускорить принятие Украины под власть Османской империи⁹². В ближайшем окруже-

нии гетмана все большую роль начинали играть ученые шляхтичи и. Выговский, П. Тетеря, и. Нечай, зажиточные мещане братья Золоторенко.

Богдан обязан был занимать твердую позицию по отношению к Варшаве, иначе мог лишиться своего авторитета и влияния на Украине, и так уже подорванных последними событиями. Положение было шатким. Вспыхнул бунт в Миргородском полку, где полковник М. Гладкий стал именоваться «гетманом». Нарастал отток переселенцев в пределы Российского государства. Всеобщее недовольство условиями договора создавало новую угрозу власти Хмельницкого. Ряд полковников подняли восстание. Оно охватило Корсунский и Белоцерковский полки. На подавление бунта был отправлен генеральный есаул Демка Лисовец. И опять сложнейшую ситуацию Хмельницкий сумел повернуть в свою пользу. Под предлогом наказания полковников, противившихся возвращению поляков в свои прежние имения, он начал борьбу со старшиной, выступавшей против усиления его власти. В начале года сопротивление восставших было сломлено. Корсунская рада вынесла смертный приговор целому ряду старшин.

В январе 1652 года был составлен реестр. Тогда же Хмельницкий отправил посольство на польский сейм с наказом добиваться утверждения вольностей Войска Запорожского. Он просил подтверждения прав православной церкви, разрешения «нереестровым» казакам оставаться в составе Войска Запорожского.

Поляки не желали понимать всей сложности ситуации. Даже условия Белоцерковского договора казались им слишком большими уступками казакам. В результате сейм не только не удовлетворил просьбы казацкой делегации, но даже не утвердил Белоцерковский договор, без чего тот переставал быть юридическим документом. Разногласия польских магнатов зашли так далеко, что в итоге сейм был сорван польским шляхтичем Сицинским (ему, видимо, заплатили Радзивиллы), который впервые воспользовался правом *Liberum Veto*, т. е. «свободного запрета»⁹³. Именно эта практика в конечном счете приведет Речь Посполитую к полному упадку.

Для Хмельницкого и казаков отказ сейма утвердить Белоцерковский договор стал сигналом к действию. Богдан начинает усилия по мобилизации армии и активизирует контакты с Крымом. Возобновление войны в условиях всеобщей ненависти к Белоцерковскому миру было для него равнозначно возможности сохранить свою власть и единство Украинского гетманства. Правда, к войне он готовился в строжайшем секрете от поляков, прикрываясь организацией морского похода, на котором настаивал король⁹⁴. Лишь немногие поляки предчувствовали недоброе⁹⁵.

В апреле вернулось посольство из Москвы с обещанием царя не оказывать военной помощи Речи Посполитой. Развязав себе руки и обеспечив тылы, Богдан выступает с войсками из Чигирина.

Предлогом был поход на Молдавию Тимоша Хмельницкого, намеревавшегося поторопить господаря Лупу со свадьбой. По дороге в конце мая 1652 года Богдан и Тимош разбили под Батогом коронного польного гетмана М. Калиновского. В этом блистательном сражении, которое современники сравнивали с победой Ганнибала под Каннами, погибли тысячи поляков. Сам Калиновский, упрямо не желавший оставлять табор и отступать к Каменцу, был убит, а его голову принесли Богдану⁹⁶.

Перепуганный Лупу, не дожидаясь появления казаков в Яссах, согласился на свадьбу. В августе 1652 года Тимош Хмельницкий женился на Розанде, дочери молдавского господаря, что означало укрепление внешнеполитического влияния Украинского гетманства.

Однако все было далеко не безоблачно. Татары, возвращаясь домой, как обычно, пограбили Поднестровье и Брацлавщину. Такова была стандартная расплата за союзнические услуги

орды, и Богдан ничего не мог с этим поделать. С другой стороны, в Порте все больше задумывались о реальном превращении гетмана в своего юридического вассала.

Победа под Батогом стала началом ликвидации условий ненавистного Белоцерковского договора. В Брацлавском, Подольском, Черниговском и Киевском воеводствах вспыхнуло массовое восстание. Поляков, вернувшихся было в свои имения, избивали и изгоняли. Через два месяца вся территория снова полностью находилась под контролем казацкой администрации. Как рассказывали казаки русским послам, у них больше не было ни воевод, ни старост. Полковники исполняли функции воевод, сотники – старост, а городские атаманы – судей⁹⁷.

Богдан оказался талантливым учеником иезуитов, чью школу он успешно закончил. Но главной причиной хитрой и изворотливой политики Хмельницкого была политическая ситуация в Украине, включая сильную оппозицию со стороны анархического казацкого крыла и постоянную военную угрозу со стороны Речи Посполитой. Хмельницкий и его сторонники (среди которых на первых ролях всегда был Выговский) стремились создать сильную административную систему, подчиненную гетману и казацкой старшине. Для достижения этой цели Богдану порой приходилось перед оппозицией разыгрывать из себя «простого казака», перед Москвой выступать лидером притесненных православных, а перед поляками – польским шляхтичем, поневоле связавшимся с восставшими. Считая поляков своими главными врагами, Хмельницкий с первых дней войны был занят поиском потенциальных союзников. Но татары многократно ему изменяли, Москва имела свои собственные цели, шведы искали случая вторгнуться в Речь Посполитую. Сложные внутренние и внешние ситуации Украины заставляли ее лидеров искать различные комбинации и играть в сложные дипломатические игры.

В январе 1652 года прибыли послы от Алексея Михайловича, сообщившие о намерении царя помирить казаков с поляками. Речь шла о возвращении к условиям Зборовского договора. Только на этих условиях русские послы готовы были исполнять роль посредников. Тем более что в Москве уже почти решились принять казаков «под высокую руку», и только добрая воля поляков могла еще остановить такой ход событий⁹⁸. Активизировались контакты Хмельницкого с трансильванским князем Дарьем II Ракочи. Кроме того, Богдан отослал сорок тысяч ефимок к хану, чтобы заручиться его военной поддержкой.

Военные действия начались в конце марта 1653 года наступлением пятнадцатитысячного польского отряда под командованием С. Чарнецкого. Имея огромный численный перевес, поляки вторглись в Брацлавщину и безжалостно вырезали местечки Погребыще, Борщатовку, Самгородок, Прилуки, Немиров, Кальник и др. Оборону организовал и. Богун, имея около пяти тысяч войска, он заперся в Монастырище. В решительный момент Богун с казаками, переодевшись татарами, ударили в тыл полякам, вызвав страшную панику. Войско Чарнецкого, бросив убитых, бежало из-под Монастырища, а затем отступило и с Брацлавщины.

Блестящая победа открывала путь к контрнаступлению. В планах Хмельницкого было изгнание поляков с Правобережной Украины, включая Подольское и Руськое воеводства.

В марте, когда разворачивались события на Брацлавщине, прибыли послы из Трансильвании с выражениями дружбы и предложениями совместных военных действий. В то же время Богдан выслал очередных послов в Москву, с сообщением о нападении поляков и с просьбой о военной помощи. Послы, помимо всего прочего, должны были добиваться разрешения проехать в Швецию. Но в Москве послам ехать дальше запретили, и в тот раз украино-шведские переговоры не состоялись.

Богдану приходилось балансировать в очень непростых условиях. С одной стороны, русские по-прежнему не шли на решительные шаги. В апреле они выслали посольство в Варшаву, добиваясь примирения поляков с Украиной на условиях Зборовского договора. Что касается Порты, то Хмельницкий продолжал просить там военную помощь, но отказывался принимать протекторат. А делать это было все труднее, так как в мае посол султана привез уже булаву,

бунчук, саблю и кафтан с абсолютно конкретными намерениями относительно протектората⁹⁹. На раде предложения султана отвергли, хотя многие из старшин поддерживали идею протектората Порты. С другой стороны, среди окружения Хмельницкого росло понимание необходимости внешней поддержки¹⁰⁰.

Некоторые современные историки считают ошибкой Хмельницкого то, что еще в 1651 году он не принял турецкого протектората, поставив тем самым Украинское гетманство под удар. Как нам представляется, в условиях, когда все восстание проходило под знаменем борьбы с гнетом католиков, за православную веру, принятие протектората мусульман не могло встретить поддержки у населения. Опыт гетмана П. Дорошенко впоследствии показал, как любая красивая идея разбивалась о реалии союза с мусульманами¹⁰¹.

Усугубляло обстановку и то, что гетман опрометчиво снова дал завлечь себя в молдавские дела. Молдавский господарь Лупу был весной 1653 года свергнут с престола, и Тимош Хмельницкий с казацкой армией вопреки мнению части старшины отправился ему на выручку.

Усиление роли Украинского гетманства в Центрально-Восточной Европе пугало многих соседей, так как изменяло расклад политических и военных сил в регионе. Несмотря на все свои заверения, трансильванский князь согласился оказать военную помощь Речи Посполитой против казаков. В результате против казацкой армии в Молдавии соединяются Речь Посполитая, Валахия и Трансильвания. Тимош терпит поражение при Тарговиште от союзнических войск.

В этих условиях Хмельницкий, согласившись с решением старшинской рады, предпринял попытку заключить новый договор с Речью Посполитой на условиях Зборовского соглашения. Но там возобладали радикально настроенные силы, которые полагали примирение возможным только на условиях отставки Хмельницкого, сокращения реестра до шести тысяч, а также ликвидации Украинского гетманства. Польское правительство направило к Богдану письмо, в котором отказывалось признавать его гетманство и отвергало его предложение мира.

Летом в Москве стало известно о намерении Хмельницкого принять подданство Порты. Это становится толчком, вынудившим Алексея Михайловича приступить к решительным действиям. Но важную роль сыграла и позиция нового патриарха Никона, который активно поддерживал идею помощи Украине и лично переписывался с Хмельницким. К тому же в августе были прерваны русско-польские переговоры об Украине, так как поляки заняли жесткую позицию на ликвидацию Украинского гетманства и возврат к ситуации 1638 года.

Тучи сгущались над Украиной и на юге. Турецкий султан утвердил Стефана Георгицу, соперника Лупу, в качестве молдавского господаря, что выглядело явно недружественным шагом по отношению к гетману. Решение рады и Богдана поддержать Лупу в таких обстоятельствах выглядит как стратегическая ошибка, так как сделало невозможным дальнейшие переговоры с Портой о сохранении союзнических отношений.

В результате казаки потерпели новое поражение в Молдавии, из-за чего жена молдавского господаря Лупу вместе с Тимошем была осаждена в Сучаве валашско¹⁰²-венгерско-татарско-польскими союзными войсками¹⁰³. Тимош был тяжело ранен (12 сентября н. с.) и через несколько дней скончался. Казакам удалось только вывезти тело своего предводителя.

Еще не зная о гибели сына и только получив письмо о его ранении с просьбой о помощи, Богдан срочно начал собирать войска для похода. И тут впервые в его карьере казаки отказались ему повиноваться. В ответ на приказ идти на помощь Сучаве полковники заявили: «Непо-требно де нам чужой земли оборонять, а свою без остереганья метать...»¹⁰⁴. Хмельницкий взбеленился, выхватил саблю и рубанул черкасского полковника по руке. Но затем, успокоившись, Богдан прибег к своей обычной уловке, играя в панибратство с казаками: «И придя к казакам гетман поклонился трижды в землю, и велел дать им бочку меда, и говорил им: детки

де мои, напейтесь и меня не бросайте. И казаки гетману сказали: пан гетман, твоя воля, а быть мы с тобою все готовы»¹⁰⁵.

Но было поздно. Тимош к этому времени уже умер. Гибель Тимоша и падение Сучавы разрушили все честолюбивые планы Богдана, видевшего в старшем сыне наследника своего дела. Хмельницкий тяжело переживал потерю сына. Он заказывал поминальные обедни, а когда тело Тимоша привезли в Субботов, не велел его хоронить до своего прибытия из похода.

Между тем тучи все больше сгущались над Украинским гетманством. Польское войско во главе с Яном Казимиром вступило в Подолию и 8 октября 1653 года расположилось под Жванцем. Силы поляков вместе с вооруженной челядью достигали шестидесяти тысяч человек. Хмельницкий со своим войском в конце октября встал табором под Шаргородом. У него начались сложные переговоры с крымским ханом ислам-Гиреем, который настаивал на принятии Украинским гетманством турецкой протекции. Гетман надеялся сохранить условия военного союза 1648 года, но без принятия протектората добиться согласия татар на начало военных действий против поляков не сумел.

В этой ситуации Хмельницкий решает не идти на генеральное сражение, но осадить лагерь поляков в надежде взять их измором. В соответствии с этим планом казаки перекрыли подвоз провианта и лишили поляков возможности отступления. В конце ноября положение короля и его войска стало невыносимым. От холода и голода умирали тысячи солдат. Видя неминуемую катастрофу, король начал сепаратные переговоры с ханом, которые завершились 15 декабря 1653 года заключением польско-татарского договора. Он предусматривал прекращение военных действий, уплату поляками дани и участие в совместном походе против России. Что касается Украины, то договор сохранял число реестровых казаков согласно условиям Зборовского соглашения, но все положения относительно автономии Украинского гетманства и привилегированного положения православия игнорировались. К тому же в секретных статьях польско-татарского соглашения шла речь об отстранении Хмельницкого от гетманства.

После этого, возвращаясь в Крым, татары предприняли опустошительный набег на Украину. Хмельницкому ничего не оставалось, как отдать приказ войску вернуться на территорию Украинского гетманства. Необходим был новый, сильный союзник. Единственным реальным вариантом на тот момент являлось только Московское государство.

Несмотря на то что Хмельницкий уже долгие годы вел дипломатические игры с русским царем, Алексей Михайлович не спешил принимать окончательное решение. Украинское гетманство со своим социальным и политическим устройством было чуждо Российскому государству с его жесткой централизацией и бюрократической системой. История отношений русских с украинским казачеством была далеко не простой. Украинское гетманство, основанное на казацкой вольности, причудливо переплетенной со шляхетской демократией, казалось Москве, несмотря на «единую» православную веру, слишком «западной» и чужой. Поэтому окружение Алексея Михайловича заняло выжидательную позицию, благосклонно принимая казацкие посольства, отказывая польскому королю в военной помощи против восставших и внимательно наблюдая за тем, как будут развиваться события.

Только осенью 1653 года, когда возникла реальная возможность принятия Хмельницким турецкого подданства, Алексей Михайлович под нажимом Никона изменил позицию. Первого октября 1653 года Земский собор решил принять Украину «под высокую руку» царя. Известие это Богдан получил в тяжелую для себя минуту. Он хоронил Тимоша, наступали поляки и татары, войска волновались. Принятие протектората Москвы было единственным выходом и возможностью спасти Украинское гетманство.

На Украину отправилось посольство во главе с В. Бутурлиным, оно должно было объявить гетману решение Земского собора и привести казаков к присяге. С собой они везли царские подарки гетману – знамя, булаву, ферязь¹⁰⁶ и шапку. Богдан выслал им навстречу полковника и. Богуна и велел ждать себя в Переяславле. Город этот вблизи российской границы

был выбран не случайно. В крайнем случае (при наступлении поляков и татар) казаки могли уйти за границу под защиту царя (так уже случалось в 1638 году).

В дороге русские послы получили ложные сведения, что Хмельницкий заключил мир с польским королем. С трудом удалось уговорить их продолжить путь, уверив в скором прибытии гетмана в Переяславль. Но только 7 января 1654 года (н. с.), спустя полтора месяца (!), когда стало известно про польско-татарский сепаратный договор, Богдан вернулся в Чигирин, а оттуда выехал в Переяславль. Вечером 16 января он уже встретился с Бутурлиным.

Утром 17 января 1654 года (н. с.) состоялась тайная рада узкого круга старшин, решивших принять протекторат царя. После этого решение было объявлено в присутствии казаков (в Переяславле не имелось представителей всех полков, чтобы проводить собственно генеральную раду)¹⁰⁷. На следующий день Хмельницкий в сопровождении старшин и русских воевод отправился в соборную церковь Переяславля принести там присягу.

Однако в церкви произошел конфликт. Богдан вынуждал воеводу присягнуть от имени царя, что великий государь не выдаст Войско Запорожское польскому королю и сохранит все вольности – шляхетские и казацкие. Однако Бутурлин отказался сделать это, ибо такого «николи не бывало и впредь не будет», чтобы кто-нибудь от имени царя давал клятву. Напрасно гетман ссылался на опыт подобных присяг от имени польского короля. Бутурлин предложил изложить свои просьбы в письменном виде и отослать их к царю¹⁰⁸.

В результате Хмельницкий и его сподвижники сначала присягнули на верность царю, а лишь потом начали обсуждать с московскими воеводами конкретные условия договора. Было выслано посольство в Москву, и в ответ на поданные «статьи» царь утвердил документ, получивший название «Мартовских статей» (их утвердили в марте).

Украина получила широкую автономию – она не только сохранила независимость в решении внутренних вопросов, но и обрела официальное право на внешнеполитические связи (за исключением польского короля и турецкого султана). Реестр казаков составил шестьдесят тысяч человек, сохранялось право свободного выбора гетмана. Царь получал право контроля за дипломатическими контактами Войска Запорожского, а также за избранием гетмана. В Киеве должен был находиться русский воевода с «ратными людьми».

Собственно, при жизни Богдана зависимость Украинского гетманства от Москвы определялась лишь двумя формальными признаками – уплатой налогов в царскую казну и необходимостью отчитываться о приезде иностранных посольств. В реальности даже эти положения никогда не выполнялись. С этим компромиссом могли мириться лишь во время войны и при условии выполнения других обязательств – прежде всего, союзнических. Единственным реальным проявлением зависимости от Москвы стало появление в Киеве русских воевод. Но в период гетманства Хмельницкого их значение не было велико.

Договариваясь в Переяславле, каждая из сторон преследовала различные цели и смотрела на договор совершенно по-разному. Для Хмельницкого это был разумный выход из конкретной критической ситуации. В его дальнейшие планы входило расширение границ Украинского гетманства и укрепление его положения – с помощью русских войск, а о последствиях влияния «высокой руки царя» он в январе 1654 года, скорее всего вообще не задумывался, руководствуясь своим традиционным принципом «что будет, то будет, а будет то, что Бог даст». Москва же, наоборот, в течение пяти лет оценивала выгоды принятия под свое покровительство мятежного гетмана. Для нее важнейшим являлось возвращение Смоленщины, распространение своего влияния на Белоруссию. Украина для нее хотя и являлась лакомым кусочком, но оставалась лишь инструментом для достижения других целей.

С началом Русско-польской войны украинские войска участвовали в военных действиях на двух направлениях: украинском и белорусском. В Белоруссию отправляется наказным гетманом шурином Хмельницкого Иван Золоторенко во главе двадцатитысячного войска. Восемнадцатого мая 1654 года Алексей Михайлович во главе русской армии лично выступил в поход.

Перед отправкой он совершил паломничество к Троице и в Саввин монастырь. Летом войска Золоторенко захватили Гомель, Новый Быхов, Пропойск. После сдачи Смоленска 23 сентября царь уехал в Вязьму.

Весной 1655 года состоялся новый поход. В начале 1655 года был взят Бобруйск. Летом 1655 года русско-украинские войска захватили Минск, Лиду и Новогрудок. Тридцатого июля царь совершил торжественный въезд в Вильну, затем были взяты Ковно и Гродно. В ноябре царь возвратился в Москву.

Белоруссия практически сразу стала узлом противоречий в русско-украинских отношениях. Русские и казацкие войска в совместных операциях очистили Белоруссию от польско-литовских войск. Царь установил в новых землях воеводское правление, а гетман назначил мужа своей дочери Ивана Нечая белорусским полковником. Царь считал Белоруссию новой территорией в составе своего государства, а Хмельницкий – с не меньшим упорством – новой административной единицей Украинского гетманства. Как оказалось, и Алексей Михайлович, и Богдан Хмельницкий хотели оставить Белоруссию под своей властью. Ситуацию осложняло то, что белорусское крестьянство охотно вливалось в ряды казацких войск.

Конфликт особенно обострился, когда царское правительство, желая заручиться поддержкой местной шляхты, разрешило сохранить ее владения и, не желая оставлять Белоруссию под властью гетмана, стало жестоко карать стремления крестьян к показачиванию¹⁰⁹. Но если литовско-белорусские магнаты поспешили признать власть Алексея Михайловича, стремясь таким образом сберечь собственность, то крестьяне, напротив, предпочитали стать подданными украинского гетмана (и показачиться), нежели русского царя (и оставаться крепостными).

Одновременно с началом войны в Литве и Белоруссии не менее упорные сражения завязались на территории Украины. Во второй половине марта 1654 года польское двадцатитысячное войско под командованием С. Потоцкого вторглось в Брацлавщину. Огнем и мечом он уничтожил двадцать местечек, и только смелые действия и. Богуна, защищавшего Умань, смогли остановить наступление.

Вступление в войну Московского государства никак не изменило ситуацию в собственно украинских землях. Они снова и снова подвергались опустошениям «огнем и мечом» со стороны поляков. И это стало большой и неприятной неожиданностью для Богдана.

К тому же в июле 1654 году польским властям удалось заключить «вечный договор» с крымским ханом, а осенью коронный гетман С. Потоцкий во главе огромной армии, достигавшей вместе с татарами шестидесяти тысяч человек¹¹⁰, снова двинулся в Брацлавщину. Казаки и местные жители оказывали отчаянное сопротивление. Маленькое местечко Буша три дня отбивало во много раз превосходившие силы противника. Даже женщины и дети предпочитали смерть сдаче. Жена полковника Гавратенко после гибели мужа села на бочонок с порохом и взорвала себя вместе с десятками поляков.

Опустошение Брацлавщины продолжалось до конца года. Погибло более тридцати тысяч жителей, десятки тысяч бежали в Молдавию. В январе, объединившись с ордой, С. Потоцкий подступил к Умани, где заперся и. Богун. Все приступы были отбиты. Узнав о приближении Хмельницкого, поляки отступили.

В это время после многочисленных просьб Хмельницкого к нему наконец прибыл русский двенадцатитысячный отряд во главе с В.Б. Шереметевым. Совместные русско-украинские силы достигали сорока двух тысяч человек и располагались в районе Охматова. Ошибка казацкой разведки позволила полякам 29 января 1655 года неожиданно напасть во время марша. Несмотря на начавшуюся панику, Хмельницкому удалось построить казаков в боевой порядок и скрепить табор. Поляки смогли пробить оборону и ворваться в табор, но удар Богуна, вышедшего со своими казаками из Умани, спас положение. Построив вал из возов, саней и трупов, казаки три дня отбивали атаки поляков. Стояли страшные морозы, поэтому сражение вошло

в историю как «Дрижиполе» (т. е. «поле дрожи»). Воспользовавшись пассивным поведением татар, Хмельницкий построил обоз из четырех рядов возов, скрепленных цепями, и пробился через польские войска, перейдя затем в наступление.

Зимний поход завершился еще одной трагедией. Не желая платить татарам, поляки рассчитались с ними жителями Брацлавщины. Было уничтожено двести семьдесят городов и местечек, татары угнали в плен десятки тысяч человек. Трагедия Брацлавщины показала всю опасность, которую представлял союз Речи Посполитой с Крымом и неэффективность военной поддержки Московского государства.

Богдан был недоволен стратегией русских. Она оказалась направленной на занятие литовско-белорусских земель, тогда как гетман рассчитывал с помощью русских войск быстро расправиться с Речью Посполитой. Именно с этой целью он принимал «высокую руку». Теперь, после всех «коварных» нарушений договоренностей поляками, после их ожесточенного и упорного нежелания признать за казаками права на автономию, Хмельницкий не видел другого выхода для Украины, как окончательное уничтожение Речи Посполитой. Он прошел непростой путь от верного подданного короля до лютого врага всех «ляхов».

С другой стороны, элита Речи Посполитой после весенней кампании 1655 года приходит к выводу о невозможности военным путем вернуть Украину. Поляки меняют тактику и переходят от прямой военной агрессии к дипломатическим интригам. Однако их цель – возвращение Украины – оставалась неизменной.

Отношения с Московским государством, Речью Посполитой и Швецией стали определяющими во внешней политике Украинского гетманства конца второй половины правления Богдана Хмельницкого. Но к этому добавлялись и другие внешние факторы. Активную политику проводил трансильванский князь Юрий II Ракочи, выступавший с притязаниями на польский престол, а также сын цесаря. Для обоих важнейшим залогом успеха было соглашение с казаками, а значит – разрыв их союза с Москвой. Порты и Крым тоже не хотели примириться с возникновением русско-украинского союза, который мог стать реальной угрозой их влиянию в Европе. Наконец, возможность ликвидации или, по крайней мере, ограничения униатской церкви заставила активизироваться Ватикан.

Главным и во многом неожиданным союзником Богдана становится Швеция. Королева Христина, охотнее покровительствовавшая искусству, чем войнам, уступила трон молодому и честолюбивому Карлу Густаву. Его притязания на польскую корону превратили казацкую державу для Швеции из абстрактного понятия в очень важного союзника.

С весны 1655 года начинаются тесные контакты Хмельницкого с королем шведским. Такой поворот событий стал явной неожиданностью для Москвы. Хотя она тоже находилась в состоянии войны с Речью Посполитой, но сильная Швеция, продвинувшаяся к украинской границе, была для нее гораздо опаснее, чем ослабленная Речь Посполитая. Для начала царские дипломаты постарались прервать зарождавшиеся отношения шведского короля с украинским гетманом, не пропуская в Швецию казацких посланцев. Объяснение этому приводилось следующее: между Московским государством и Швецией шел обмен «великими посольствами», и пока он не завершится, до этого времени гетману непристойно посылать своих посланцев¹¹¹.

Это был яркий пример того, как по-разному трактовали Переяславские соглашения обе стороны. Хмельницкий видел общую задачу в разгроме Речи Посполитой и считал естественным вести самостоятельную внешнюю политику с целью расширения их коалиции. Москва явно была озадачена, она никак не ожидала такого поворота событий и всячески, хотя и осторожно, чтобы не сорвать едва заключенный договор, старалась не допустить самовольных действий гетмана. В наказе царя воеводе В.В. Бутурлину приказывалось «отговаривать» гетмана и Выговского от сношений со Швецией «всякими мерами», но так «чтоб они того себе в оскорбленье не ставили, что мы посланцов в Свею отпустить не указали».

В результате этих действий Москвы военный союз Украины со Швецией в тот момент заключен не был. Двадцать первого июля 1655 года начинается Польско-шведская война, ставшая явной неожиданностью для Москвы. В считанные дни огромные территории Речи Посполитой оказались захваченными шведскими войсками. Карл X завладел Познанью, Варшавою и Краковом, что полностью изменило ход военных действий в Украине.

Януш Радзивилл, великий гетман литовский¹¹² и потомственный кальвинист, заключил с Карлом Густавом в Кейданах договор, который привел к замене унии Польши и Литвы на унию Литвы со Швецией. Это практически сводило на нет все успехи русских войск в Русско-польской войне за белорусско-литовские земли, так как Карл Густав взял на себя обязательство восстановить Великое княжество Литовское в его прежних границах.

В Москве стали всерьез опасаться усиления Швеции за счет Речи Посполитой, и в сложившейся ситуации угрозу с севера сочли более серьезной с точки зрения своих внешнеполитических интересов.

Именно внешнеполитические задачи, как их понимали царское правительство и гетманская администрация, привели к конфликту в русско-украинских отношениях. В условиях шведского натиска Москва начала вести мирные переговоры с литовцами и поляками, а Богдан, не желавший никаких соглашений с Речью Посполитой, наоборот, в лице Карла Густава видел нового военного союзника в борьбе против поляков. Хмельницкий начинает активные дипломатические контакты с Карлом X, а также с трансильванским князем Ракочи¹¹³.

Переговоры казацких послов с Трансильванией проходили в Терговиштах, при участии валашского и молдавского господарей. Правда, в тот раз переговоры еще не привели к заключению союза Украины с Трансильванией. Венгерский посол Барош (он представлял в Терговиштах Ракочи) предупреждал князя, что казаки сильно разгневаны на Трансильванию за события 1653 года, когда позиция венгров, по сути, привела к гибели Тимоша Хмельницкого в Сучаве. Казаки, обозленные заносчивостью Ракочи и тем, что тот не давал волохам заключить с ними договор, предупреждали, что у трансильванского князя «еще нога поскользнется» – лишь бы Бог дал здоровья московскому царю (при этом переговоры велись практически за спиной Москвы). Тем не менее постоянные контакты с Трансильванией со времени переговоров в Тарговиштах не прерываются.

В начале сентября 1655 года Хмельницкий предпринимает поход на западные украинские земли. Этого требовало как московское правительство, так и новый потенциальный союзник – шведы. Теперь царские дипломаты уже не могли перехватывать его посланцев к шведскому королю, так как Карл Густав был в Варшаве. Король в письме к гетману просил не отказываться от намерения «воевать Польшу» и держать связь с его генералами¹¹⁴.

Вместе с казаками на запад шло русское войско под руководством воеводы В. Бутурлина. Заняв десятки местечек, русско-украинские войска подошли 25 сентября ко Львову. Одновременно отряд под командой Данилы Выговского захватил западные города, включая Ярослав, Люблин и др.

Под Львовом начались переговоры, на которых Хмельницкий настаивал, чтобы весь западный край перешел под казацкое управление. Эти требования были весьма своевременными: Речь Посполитая, сражавшаяся на три фронта, находилась в катастрофическом положении.

Но удар по планам Богдана пришел с неожиданной стороны. Карл X, уверовав в свою победу над поляками и не нуждаясь более в поддержке казаков, неожиданно приказал ему отступить, не желая оставлять за Украинским гетманом западные земли (воеводство Руськое со Львовом и Подолию). Несомненно, что шведский король, практически без всяких военных усилий добывший всю Польшу, почувствовал себя хозяином положения и в гораздо меньшей степени нуждался в казацкой помощи, чем раньше. Кроме того, он опасался территориаль-

ных претензий украинского гетмана. Польский сторонник шведов и Радзеевский передавал Хмельницкому просьбу шведского короля, чтобы «не велели гумен жечь, а ни подданных казнить»¹¹⁵. А сам Карл Густав практически требовал от гетмана освободить Львов от осады¹¹⁶.

Богдан оказался в очень непростой внешнеполитической ситуации. Сохраняя хорошую мину при плохой игре, Богдан в своем письме к шведскому королю просил его не тревожить русских «без причины, ибо мы получили от них большую помощь, имея много врагов... почему союз с ними оказался весьма полезным». При этом он схоластично уверял, что «если же москвитяне без справедливой причины не перестанут действовать против вашего величества, то мы обещаем быть на вашей королевской стороне»¹¹⁷. К тому же татары, не желавшие и боявшиеся гибели Речи Посполитой, предприняли набег на Украину вплоть до Львова, забирая жителей в полон.

В результате, взяв со Львова выкуп, Хмельницкий отступил, но, возвращаясь, русско-казацкое войско потерпело серьезное поражение от татар под Озерной. Начавшиеся переговоры между Хмельницким и ханом завершились миром. Заключенный договор предусматривал всяческое содействие в возвращении трона Яну Казимиру¹¹⁸ и обещание выступать в защиту татарских интересов по первому требованию хана. Кроме того, гетман должен был потребовать от запорожцев воздерживаться от походов на Черное море. Самое неприятное в этом вынужденном военном союзе состояло в том, что от казаков потребовали помощи полякам в войне со Швецией¹¹⁹.

Таким образом, осенью 1655 года проявилась вся сложность внешнеполитической ситуации, в которой оказалась Украина. Разочарование Москвой, поиск новых союзников для решительного удара по Речи Посполитой привели к соглашению со Швецией и Трансильванией. Но военные удачи шведов сделали их слишком надменными для роли союзников. Пока Хмельницкий находился под Львовым, татары опустошили Украину и заставили гетмана принять крайне невыгодные условия соглашения. Вместо желаемой войны с Речью Посполитой – войны до конца – Хмельницкий, напротив, должен был теперь помогать ей или оказаться перед лицом турецко-татарской агрессии. Неудивительно, что в начале 1656 года происходит первый приступ болезни, сведший в конце концов Богдана в могилу, – у него случился инсульт. И без того вспыльчивый характер гетмана портится еще больше, что отразилось и на его внешнеполитических контактах.

Отношения Украины с Россией тоже неуклонно ухудшались. Москва была очень недовольна отступлением от Львова и миром с ханом. А Хмельницкий вовсе не спешил объяснить царю свои действия. Наоборот, он стремился уверить хана, что всерьез намеревался придерживаться букве договора под Озерной. Турецкому султану он писал о хане: «Теперь до самой смерти братьями останемся, будем мирно жить и в верности поклялись навеки...» Гетман также заверял турок, что «от нас ни по земле, ни по Дунаю, ни по морю ни одна чайка не пойдет на земли нашего могущественного султана»¹²⁰. Поляки тоже с нетерпением ждали осуществления соглашения под Озерной.

В начале 1656 года возобновились переговоры с Трансильванией, откуда был прислан посол Луц. Он присягнул за своего князя, что тот никакому неприятелю казаков ни войском, ни деньгами помогать не будет и не заключит с ними никакого противного Украине союза¹²¹. Правда, все еще рассчитывая на договор со Швецией, гетман весьма сдержанно относился к союзу с Трансильванией. В свою очередь в переписке с Карлом X Богдан уклончиво сообщал о событиях при Озерной: «Заключивши прочный мир с ханом Крымским и со всеми ордами, двинулись (мы) с войском на Украину для отдыха»¹²².

Крайне тяжелое военное положение заставляло поляков искать новые пути соглашения с казаками и Москвой, а в Московском государстве очень опасались усиления Швеции. К тому

же послы императора предупреждали русских, что Хмельницкий хочет «поддаться под Шведскую Корону»¹²³.

Между тем ситуация менялась. Военное счастье отворачивается от шведов. В Тишовцах была создана конфедерация¹²⁴ польской шляхты, не пожелавшей признавать Карла Густава. В Польшу вернулся Ян Казимир, провалом завершилась осада шведами знаменитого католического монастыря Ченстохова, умер Януш Радзивилл – главный союзник шведов в Литве. Становилось ясно: кто заключит союз с казаками – Швеция или Речь Посполитая, – тот и победит в Польско-шведской войне.

Поляки прибыли в Чигирин, стараясь добиться от Хмельницкого выполнения соглашения под Озерной. В инструкции польским комиссарам прямо говорилось: «Вести переговоры с самими казаками, а не с Москвой, так как цель трактатов – оторвать казаков от Москвы» и поссорить их с ней, чтобы крепче связать их с татарами¹²⁵. Поляки, как ни странно, очень надеялись на выполнение Богданом условий соглашения под Озерной. Секретарь польской королевы сообщал: «Хмельницкий прислал письменное ручательство, что он придет под Львов, посылает еще 6 тысяч войска, а весной придет с остальными»¹²⁶.

Гетман, видимо, старался как можно дольше скрывать от поляков свои истинные намерения. С ханом он тоже сохранял внешне дружественные отношения, соблюдая условия перемирия, но на деле просто тянул время, желая уклониться от военной помощи польскому королю. Ведь это означало бы расстаться с мечтой об уничтожении Речи Посполитой и укреплении Украинского гетманства.

Полякам военная помощь была необходима, но в том, что они ее получают от казаков, имелись все основания сомневаться. Поляки с тревогой и надеждой сообщали: «Хан каждый день ждет известий от Хмельницкого, после чего вместе с войском двинется под Каменец»¹²⁷.

Для того чтобы договориться с Богданом, поляки были готовы на многие уступки. Канцлер Речи Посполитой предлагал Яну Казимиру дать Хмельницкому место в сенате и титул воеводы запорожского¹²⁸. Пожалуй, в этот период имелась самая благоприятная ситуация для заключения казацко-польского мира – гораздо более выгодная для казаков, чем даже в 1658 году, когда преемник Богдана и. Выговский подписал с поляками Гадячский договор.

Но Хмельницкий видел возможность укрепления Украинского гетманства не в выгодном союзе с Речью Посполитой, а в ее гибели.

Надо отметить, что в течение всего этого периода Хмельницкий не только не советовался с Москвой, но даже не сообщал ей о своих переговорах и намерениях. В лучшем случае он довольствовался отписками, что «у него с Венгерским и с Мутьянским и с Волоским и с Крымским ханом учинен договор, что им быть с ним в приязни...»¹²⁹. Де-юре Хмельницкий в этот период, конечно, нарушал условия Переяславского соглашения. Ни переговоры со Швецией, ни попытки заключить военный союз с Трансильванией, ни уж тем более договор под Озерной (хотя это и был вынужденный шаг) явно не вписывались в рамки вассальных отношений.

Недовольный политикой царя Богдан вел себя как глава независимого государства. При этом формально он не порывал с Москвой, заверял в своих письмах в «верноподданстве» царю и не желал лишаться его поддержки.

Как упрямый, но опытный охотник, Хмельницкий ждал благоприятного для себя развития шведско-польского конфликта, чтобы в подходящий момент разорвать соглашение под Озерной и вернуться к своему плану уничтожения Речи Посполитой. Его дипломатическая игра была направлена на то, чтобы выиграть время и заставить шведов пойти на уступки.

В апреле 1656 года состоялась старшинская рада, обсудившая сложившуюся ситуацию. После этого Богдан окончательно сделал ставку на Швецию с Трансильванией, надеясь с их помощью разделаться с Речью Посполитой. При этом он не предпринял никаких мер, чтобы сохранить благосклонность Москвы и своего давнего союзника – Крыма. Правда, спасти мир

с татарами было крайне непросто. Это означало балансирование на грани пропасти. Союз с Крымом означал для Богдана соглашение с поляками – т. е. разрыв с Москвой, шведско-трансильванскими союзниками и отказ от планов укрепления Украинского гетманства за счет Речи Посполитой.

В этой ситуации польская дипломатия постаралась возбудить татар против гетмана, а затем пошла на переговоры с Москвой. Оба эти шага были направлены на ослабление позиций Хмельницкого и на создание условий для возвращения украинских территорий.

Начались русско-польские мирные переговоры. Гетман отнесся к ним весьма скептически. Хмельницкий заверял, что он, в принципе, не против переговоров. При этом в письмах в Москву он перечислял несчастья Украины и православных, случившиеся за девять лет, и заявлял, что «всею причиною немилосердные и прегордые ляхи»¹³⁰. Богдан не желал компромисса с поляками. Касаясь установления возможных границ между Московским государством и Речью Посполитой, гетман настаивал: пусть будет «рубеж по Вислу реку... аж до венгерские границы».

Одновременно гетман продолжал переговоры со Швецией и Трансильванией, в том числе с Богуславом Радзивиллом (братом умершего Януша Радзивилла), литовским магнатом, перешедшим на шведскую сторону. В Чигирин приехал Ф. Шебеши, посланец трансильванского князя Ракочи. В июле появилось «Заявление Войска Запорожского», подписанное гетманом и старшинами и скрепленное печатью. В этом документе говорилось, что, убедившись в дружественных чувствах Ракочи, казаки заверяют своей христианской верой, что ни в коем случае не будут врагами князю, наследникам и союзникам его. «Мы не поднимем оружия и не дадим помощи против них... Мы не позволим набирать или записывать воинов и не дадим врагам, которые идут на них, переходить через наши владения. Мы никогда не заключим им во вред договор, трактат или соглашение...»¹³¹.

Но ситуация опять меняется. Семнадцатого мая 1656 года начинается Русско-шведская война. В этих условиях мир с Речью Посполитой становится жизненно необходимым Алексею Михайловичу.

В августе 1656 года Хмельницкий отправил своих послов для участия в русско-польских переговорах¹³². Гетман высказал только одно пожелание: чтобы царь «защищал благочестивую веру, православные церкви и весь православный народ Российский... чтобы оно же в руки неприятельские не выдавал, но под свою великою и крепкою рукою держал». Хмельницкий также просил Алексея Михайловича приказать своим великим послам, «чтоб тем нашим послом на том съезде любовь свою показали»¹³³.

Своему послу Гапоненко Богдан дал наказ добиваться от поляков широких свобод и привилегий для православной церкви: возвращения владений, отнятых у нее униатами и католиками; свободы православным совершать свои обряды; возможности православной шляхте получать уряды, а православным мещанам – места в магистрате. Король и сенат должны присягнуть, что они не пойдут на Войско Запорожское войной и никаким образом войску вреда делать не будут. Понимая, что Ян Казимир вряд ли захочет помириться на таких условиях, Хмельницкий как настоящий ученик иезуитов предлагал: если поляки не согласятся, пусть его царское величество даст нам немедленно знать, а мы со своим войском будем готовы¹³⁴.

Но Хмельницкого ждала неприятная неожиданность. На переговоры казацких послов не пустили. Поляки – члены посольства – со злорадством отмечали: «Казакам очень не понравилось, что москвитяне приказали им вытти из комнаты»¹³⁵. А в ноябре 1656 года было подписано Виленское перемирие между Российским государством и Речью Посполитой. По его условиям поляки должны были избрать русского царя польским королем (после смерти Яна Казимира).

Пока копии подлинных соглашений не дошли до Чигирина, поляки поспешили распространить слухи о возможном возвращении Украины под власть Речи Посполитой. С не меньшим усердием польские комиссары представляли русским в черном свете Хмельницкого. В частности, они сообщили им, что гетман якобы объявил о своей готовности служить Яну Казимиру. Поляки сопровождали это саркастическим замечанием: что это за человек – то Москве, то шведам, то полякам хочет служить и так своим обманом поворачивается, как «ветряк» на каждый ветер. Да это и не удивительно – добавляли они – ведь в молодости он научился таким штукам у иезуитов¹³⁶. В результате, в ходе русско-польских переговоров у бояр проскользнуло такое мнение: «Царь не может уступить казаков, потому что это такой народ, который ни с вами, ни с нами не может в мире жить, и заблаговременно ищет себе нового покровителя, или Шведа, или Рагоция, соединясь с которымнибудь из них, они могут быть опасны и нам и вам, от них нужно бегать, как от бешеной собаки...»¹³⁷.

Узнав о Виленском перемирии, Богдан отреагировал сразу и однозначно. Он пишет царю: «...мы, яко верные вашего царского величества слуги, о неправдах и хитростях ляцких ведомо чиним, что они того договору... николи не додержат...». В доказательство этого гетман извещал Алексея Михайловича о переговорах поляков с братом цесаря и с трансильванским князем Ракочи об избрании одного из них королем: «...а то все знаком есть явным неправды ляцкой, что они того договору не додержат»¹³⁸.

Источники сохранили еще более колоритные подробности. Когда до Богдана дошли слухи, что Украину возвращают полякам, он вскочил, как безумный, который ума лишился, и закричал: «Уж, дети, об этом не печальтесь! Я знаю, что надо делать: нужно отступить от руки царского величества. А пойдем туда, где вышний Владыка повелит быть, – хоть под христианского государя, хоть под бусурманина¹³⁹».

Предсказание Богдана, что поляки не сдержат слова, вскоре стало оправдываться. В польском правительстве почти сразу после подписания созревает план срыва Виленского перемирия. Однако, порывая с Москвой, они, с одной стороны, не хотели терять Украину, а с другой – не могли воевать на два фронта. Поэтому магнаты предпринимают усилия для заключения сепаратного соглашения с казаками и начинают официальные переговоры с Богданом. Впрочем, это было не так просто. В письмах к литовским магнатам Хмельницкий клялся, что желает мира, но одновременно заявлял протест по поводу пограничных грабежей польских жолнеров¹⁴⁰.

Богдан также не оставлял своих усилий выставить поляков в невыгодном свете перед царем. Он писал Алексею Михайловичу о пограничных стычках под Каменцом и тут же добавлял: «Ляхи прежние свои хитрости и неправды оставить не хотят»¹⁴¹.

Начало расхождения с Москвой, шведские военные неудачи толкают гетмана в сторону его бывшего врага, трансильванского князя Юрия Ракоци, и Хмельницкий подписывает с ним союзный договор¹⁴². В свою очередь, Карл Густав, потеряв почти все свои военные приобретения в Польше, теперь тоже заявлял, что «убедился в дружественных чувствах казаков» и отправил к ним посольство «с надлежащими полномочиями и соответственными условиями»¹⁴³.

В литературе, даже в популярной, существует устойчивое заблуждение, будто впервые со шведами договорился Иван Мазепа. На самом деле эта традиция была положена еще Богданом Хмельницким (а затем продолжена его преемником и. Выговским).

Любопытно посмотреть, что именно предлагали шведы Богдану. В наказе шведскому послу говорилось: «В высшей степени желательно... чтобы всех вообще врагов королевского величества разъединить с Хмельницким и убедить последнего помогать королевскому величеству и Швеции против всех и каждого, с кем его величество ныне находится в войне или впредь воевать будет». С этой целью предлагалось убедить казаков образовать «совершенно свобод-

ное, ни от кого независимое» государство, но находящееся под протекторатом Швеции¹⁴⁴. Территория Войска Запорожского ограничивалась тремя воеводствами (Киевское, Черниговское и Брацлавское). Правда, независимое казацкое государство планировалось образовать лишь после того, как шведский король «овладеет Польшей, а казаки помогут ему в этом»¹⁴⁵.

Хотя договор со Швецией подписан не был, но, выполняя соглашения с их союзником, трансильванским князем, Хмельницкий принял участие в войне на стороне шведского альянса. В январе 1657 года казацкие полки под командованием А. Ждановича и И. Богуна (до двадцати тысяч человек) отправились на помощь Ракочи, который выступал в союзе со шведами против Речи Посполитой. Вместе с войском Ракочи казаки дошли вплоть до Кракова, мстя за недавнее разорение Брацлавщины, и 28 марта 1657 года взяли древнюю польскую столицу¹⁴⁶.

Эти события в условиях Русско-шведской войны и Виленского перемирия с Речью Посполитой практически означали разрыв Переяславских соглашений Украинского гетманства с Россией. Москва предпочла отреагировать не сразу. Однако русское посольство, отправленное на Украину летом 1657 года, ясно дало понять, что царь был очень недоволен гетманом. Об этом речь пойдет далее.

Военная помощь казаков венграм и шведам против Речи Посполитой вызвала резко отрицательную реакцию и в Крыму. В начале 1657 года секретарь польской королевы писал, что «татары... напали и погромили Уманский полк... и угрожали, что они опустошат и выжгут Украину, если Хмельницкий пошлет какую-нибудь помощь против Польши»¹⁴⁷. Переговоры в Порте не дали желаемых результатов, а по-иному быть и не могло, если учитывать политический курс Хмельницкого.

К сложной внешнеполитической обстановке добавились внутренние проблемы. Незаконченность административной системы Украинского гетманства давала о себе знать в первые же относительно мирные периоды, особенно когда после 1655 года арена военных действий переносится на запад, а Киевщина и Черниговщина остаются незатронутыми. Отсутствие реестра и наличие огромного числа «показаченных», не имевших в мирное время средств к существованию, создавали социальную базу для взрывов недовольства. Повторялась ситуация времен Сагайдачного. Впрочем, подобное явление наблюдается во все времена в любых регионах, где в армию мобилизуются широкие слои населения. Впоследствии всегда требуется много времени и сил, чтобы вернуть их к прежней жизни.

Очагом напряженности и центром недовольных становится Запорожье. Тут сказывалась вражда, существовавшая между запорожцами и реестровыми казаками – как между рядовыми, так и среди старшины. Старшина Запорожской Сечи не допускалась до управления казацким государством, а тем более до внешней политики.

Только авторитет и твердость Богдана удерживали ситуацию от взрыва. Но в любом случае, она требовала разрешения или могла обернуться катастрофой.

В апреле 1657 года в Чигирине появляется посол польского короля каштелян волынский Станислав Казимир Беневский. Хотя официально речь шла только о заключении перемирия, соответствовавшего духу Виленского договора, Хмельницкий уведомлял Алексея Михайловича, что Беневский хочет «нас от вашей царского величества высокие и крепкие руки отлучить и чтобы мы с Ляхами учинились одним словом попрежнему в совете и в соединеньи»¹⁴⁸. Впрочем, по условиям Переяславских соглашений гетман вообще не мог иметь сношений с поляками и должен был задерживать их посланников. Делать это он, конечно, не собирался.

Беневский беспрепятственно уезжает в Польшу, а летом 1657 года приезжает еще раз¹⁴⁹. При этом польский король Ян Казимир (который продолжал войну со шведами и венграми) давал согласие, «чтобы Украина была отдельным княжеством и было в нем только два воеводы – киевский и черниговский, и урядники должны быть как в Литве»¹⁵⁰.

Хмельницкий не отталкивал поляков, заигрывал с ними, но и не заключал каких-либо конкретных соглашений. Его позиция в отношении Речи Посполитой полностью зависела от ситуации на польско-шведском фронте, а также от результатов войны с трансильванским княжеством, участие в которой приняла и Украина.

В эти же дни июня 1657 года в Чигирин приезжает шведское посольство во главе с Г. Лильекроном. Как оказалось, оно опоздало, по крайней мере, на полгода. Хмельницкий уже далеко не так был заинтересован в союзе с ними. И прежде всего – из-за шведских военных неудач. В июне венгерский посол Шебеши в своем дневнике писал: «Антон, казацкий генерал... прислал гетману жалобу на нашего пана, и гетман был ею взволнован. Во-первых, что венгры плохо с ним обращаются... они их (казаков. – Т. Т.) грабят и бьют. Гетман сказал: Если они так обращаются с моим войском, я уже знаю, что должен делать!.. я пошлю туда 50 тысяч казаков, и все семигорцы за один день будут уничтожены. Вторым пунктом он (Жданович. – Т. Т.) написал... что князь ведет переговоры с поляками и Москвой, и гетман этим очень огорчился, и так выразился, что уже не знает друг ему (Ракочи. – Т. Т.) или изменник?»¹⁵¹.

По словам очевидцев, Хмельницкий был так разгневан на венгров, что собирался отзывать обратно корпус Ждановича. «Едва его (гетмана. – Т. Т.) утихомирили. Ваша светлость должен все время перед чертом свечку держать»¹⁵².

Находившийся при шведском после немецкий пастор оставил очень любопытные описания жизни чигиринского двора этого периода. Посла пригласил на обед Хмельницкий, принимал в своем доме в Чигирине. В «светлице», где происходил прием, стояла и кровать гетмана, возле которой лежал бунчук. За столом кроме шведов была старшина и «на минутку» возле гетмана присела его жена Анна. Богдан не соблюдал пост, ел мясо и пил горилку из небольшой серебряной чарки. После ужина гетман велел подать себе цитру¹⁵³, побренчал на ней немного и вернул. Сказал: «Хлопцы, где же люлька?» Слуга подал ему длинную турецкую трубку, и он закурил табак¹⁵⁴.

Тогда же в июне в Чигирин прибыл русский воевода Ф. Бутурлин. Главной причиной посольства было недовольство Москвы внешними сношениями гетмана, а также его политикой в Белоруссии¹⁵⁵. Когда Бутурлина пригласили к Хмельницкому, воевода прямо объявил гетману мнение царя о его внешних сношениях: «И то ты чинишь забыв страх Божий и присягу свою перед святым евангелием и верное подданство»¹⁵⁶. Гетман отвечал с гневом, что от шведского короля он никогда не отступит, так как у них давняя дружба и любовь. «А царского величества они верные подданные, и идут на войну на врагов его царского величества на татар. Он, гетман сам в поход идет, хотя при его нынешней болезни с ним в дороге может и смерть случиться, оттого мы с собой и гроб везем»¹⁵⁷.

Русские еще не были привычны к таким выходкам гетмана и очень удивлялись. Окружение Богдана успокаивало их, ссылаясь на болезненное состояние Хмельницкого. Скорее всего, после первого инсульта, случившегося с ним в 1656 году, Богдан постоянно страдал от высокого давления. От этого его и без того вспыльчивый характер становился еще более невыносимым.

К разногласиям в области внешней политики впервые добавляется спор о воеводах. По сути, речь шла о том, кто будет контролировать административную власть в Украинском гетманстве, а соответственно – о степени автономии. Бутурлин, ссылаясь на заявления находившейся недавно в Москве делегации старшины, настаивал, чтобы русские воеводы были в Чернигове, Переяславле и Нежине (по Переяславским соглашениям они должны были находиться только в Киеве). Хмельницкий с жаром возражал, что никогда такого не предлагал (у него такого «и в мысли... не бывало»)¹⁵⁸.

Даже недовольство царя и присутствие русских воевод в Чигирине не прервало других дипломатических контактов Украины. Бутурлин в своем статейном списке (т. е. официальном отчете царю) записывал: шведский посол был у гетмана на дворе, а после того был посланец Ракочи¹⁵⁹.

В такой нервной обстановке стычки происходили по разному поводу. Трансильванский посол Шебеши, бывший в тот момент в Чигирине, описывал следующий случай: «Недавно, когда московский посол стоял перед гетманом, а тот лежал на кровати. Посол потребовал, чтобы гетман встал и принял царское письмо стоя. Гетман ответил, что он уже не встанет и перед Богом, а не только перед ним (послом)»¹⁶⁰. Шебеши также в своем дневнике передает ответ Хмельницкого царю: «Я поддался не для того чтобы делать то, что скажешь... Я с польским королем уже перед этим бился, чтобы вернуть свободу мне и казакам, чтобы они не были холопами, но носили казацкое имя»¹⁶¹.

Даже смертельно больной гетман не желал смиряться, а продолжал отчаянно балансировать. Но балансировать можно лишь до поры до времени.

В июле 1657 года шведский посол Г. Лильекрон доносит о вторжении татар на Украину: «Они неожиданно напали на его (Хмельницкого. – Т. Т.) страну, разорили и сожгли 18 городов и захватили множество пленников и скота... Казацкое войско ничего особенного не предприняло против татар вследствие соперничества между полковниками и, несмотря на то, что гетман Хмельницкий послал туда своего сына, нового гетмана, его присутствие отнюдь не могло устранить несвоевременных капризов, почему враги и приобрели силу...»¹⁶². Реальная угроза внешней агрессии и слабость новых союзников делает невозможным для Хмельницкого продолжать независимую внешнюю политику. Ему снова приходится обратиться за помощью к Москве. Гетман был вынужден срочно просить царя послать на Крым астраханцев и донцев¹⁶³

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.